

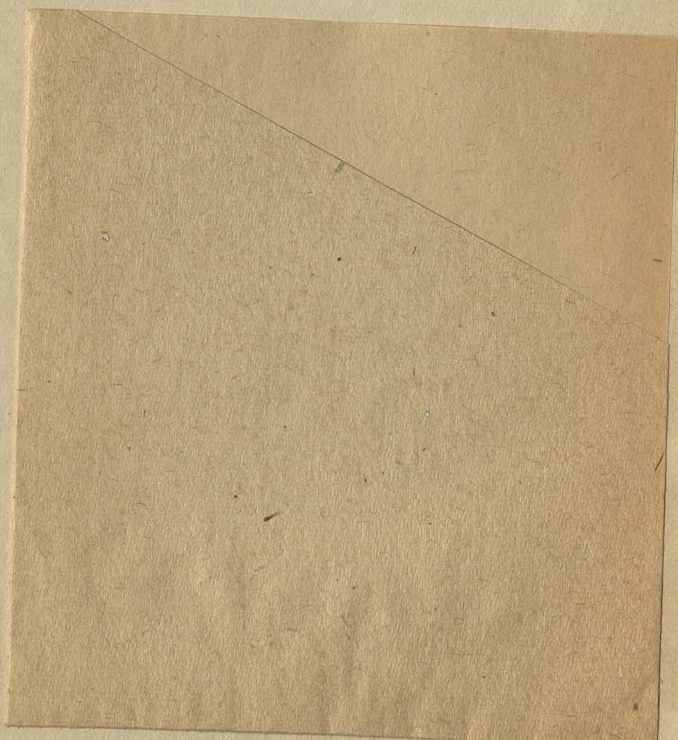
$\Delta \frac{809}{173}$

СТИХИ ОСТАЮТСЯ В СТРОЮ

Сп

△ $\frac{809}{173}$

Bo

СТИХИ ОСТАЮТСЯ В СТРОЮ

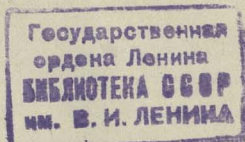

*Произведения поэтов,
павших в боях
за Родину*

Советский писатель

1949

79156-49

ПРЕДИСЛОВИЕ

На фронтах Великой Отечественной войны с немецко-фашистскими захватчиками сражались сотни советских писателей. Одни — пером, работая в армейской печати; другие в качестве командиров и политработников вели бойцов в сражения; третьи были рядовыми солдатами. Участие писателей в Великой Отечественной войне было вполне естественно, ибо писатель в нашей стране — воин и строитель, служащий своим талантом и своей жизнью общему великому делу борьбы за коммунизм.

В списках бойцов, отдавших свою жизнь в боях за свободу и честь нашей родины, мы встречаем имена писателей и поэтов. Писатели каждой советской республики недосчитывают в своих рядах храбрых и талантливых людей, павших в сражениях Великой Отечественной войны. Память о них жива, произведения их живы — в этом бессмертие наших боевых друзей.

Поэты разной судьбы, разного таланта и возраста, они рано закончили свой жизненный и творческий путь. Люди, чья жизнь была полна вдохновения, остаются в строю, как ска-

учиться. Аврущенко был родом с Украины и назвал свою книгу стихов «Полтава».

Поэт-коммунист Аврущенко в первые дни Великой Отечественной войны ушел на фронт. Он служил в редакции армейской газеты: писал боевые стихи. Он погиб на Украине, в бою, при выходе из окружения.

Джек Алтаузен (1907—1942) был одним из комсомольских поэтов первого призыва. В тридцатых годах его стихи печатались в «Комсомольской правде», вызывая горячие дискуссии в среде молодежи. Алтаузен много ездил и выступал, он был хорошим оратором и вдохновенным пропагандистом советской литературы.

На фронте Алтаузен работал чрезвычайно активно. В армии, где он служил, его стихи знали многие бойцы и командиры. Седьмого ноября 1941 года Алтаузен одним из первых писателей-фронтовиков был награжден орденом Красного Знамени.

Он пал в бою под Харьковом.

Вячеслав Афанасьев (1903—1943) много лет провел на Дальнем Востоке. Он был влюблен в этот край, воспевал его воинов и тружеников — пограничников, рыбаков, строителей, таежных охотников. Романтик и мечтатель, он написал много сказок и легенд, материал для которых он черпал из жизни.

Он работал в газете «Тихоокеанская звезда», исколесил весь Дальний Восток с блокнотом корреспондента в руках. Перед войной Афанасьев переехал в Москву и в июле 1941 года вступил добровольцем в ряды народного ополчения, был затем два года в партизанском отряде. В 1943 году отряд «За родину» соединился с войсками Советской Армии. Афанасьев снова вступил в ее ряды. Он пал в бою под Смоленском.

Уральский поэт Владислав Занадворов (1914—1942) был

геологом, много путешествовал по нашей стране, ряд его стихов помечен далекими адресами заполярных селений и степных аулов. На фронт Занаворов ушел в звании лейтенанта. Он был командиром минометного подразделения и погиб под Сталинградом в первые дни наступления наших войск.

Юрий Инге (1905—1941) — бывший рабочий завода «Красный треугольник» в Ленинграде. Он обратил на себя внимание вдохновенными стихами о Сергее Мироновиче Кирозе. В 1939 году, во время финской кампании, Инге ушел во флот, с которым и раньше был тесно связан. С первого дня Великой Отечественной войны Юрий Инге — офицер Краснознаменного Балтийского флота. Он погиб на посту военного корреспондента при переходе балтийских кораблей из Таллина в Кронштадт.

Ленинградский поэт Борис Костров (1912—1945) перед самой войной выпустил книгу стихов «Заказник». С первых дней войны рядовым бойцом сражался он за свой родной Ленинград и был трижды ранен, отстаивая подступы к нему. Командование не раз отмечало его храбрость высокими наградами. Он стал на войне лейтенантом, командиром танка. Последние стихи писал он руками, темными от дыма и газойля, положив тетрадь на броню своей машины. Он провел свой танк по многим фронтовым дорогам и героически погиб в Восточной Пруссии, за полтора месяца до победы.

Алексей Лебедев (1912—1941) служил в Краснознаменном Балтийском флоте — вначале курсантом, затем лейтенантом. Еще в мирные, предвоенные годы он привлек внимание читателей талантливыми стихами, в которых описывались море и моряки.

Алексей Лебедев был романтиком, но романтизм его был не отвлеченным, а жизнеутверждающим, революционным романтизмом. Его любили и уважали и моряки Балтики, и то-

варищи по второй профессии — писатели. Книги Лебедева «Кронштадт» и «Лирика моря» были книгами поэта с большим будущим. Штурман подводной лодки, лейтенант Лебедев отдал свою жизнь в битве за советскую Балтику в 1941 году.

Вадим Стрельченко (1912—1941) в годы первых пятилеток присылал в московские журналы и газеты из своего родного города Одессы стихи, проникнутые солнечным ощущением гордости советского человека за свою родину. Стихи Стрельченко сразу заинтересовали читателя, — они были самобытны, глубоки по содержанию. Это был поэт-патриот, умевший широко и точно обобщать события и явления жизни.

Не будучи мобилизованным в армию из-за слабого здоровья, Стрельченко пошел добровольцем в народное ополчение и пал смертью храбрых.

Георгий Суворов (1919—1944) прожил короткую жизнь — он погиб в возрасте двадцати пяти лет. Детство и юность провел он в Хакасии. Он хорошо знал жизнь таежных охотников, любил и воспевал Сибирь и ее людей. Военная судьба привела молодого поэта и бронебойщика в Ленинград. Здесь Суворов храбро сражался и в короткие передышки между боями писал стихи, полные несокрушимой веры в победу.

Гвардеец Георгий Суворов погиб в дни большого наступления Ленинградского фронта в 1944 году. Первая книжка поэта — «Слово солдата» — вышла уже после его смерти.

Михаил Троицкий (1904—1941) выпустил первую книгу стихов за десять лет до войны, в 1931 году. Помощник машиниста на заводе, он стал поэтом. Молодые литераторы Ленинграда хорошо знали Троицкого, — он был одним из активных литературных деятелей Ленинграда, работал в журнале «Резец», воспитывая начинающих авторов. В дни Великой Отечественной войны Михаил Троицкий стал боевым

офицером, получив звание младшего лейтенанта. Он погиб в боях за город Ленина, в районе Невской Дубровки.

Иосиф Уткин (1903—1944) — один из первых комсомольских поэтов, вдумчивый лирик, с первых своих шагов приобретший широкую популярность.

В. Маяковский не раз критиковал Уткина, но высоко ценил его талант. Иосиф Уткин прожил сложную, большую жизнь. Путь его не был прям и безмятежен: его не раз постигали творческие неудачи, но поэт находил в себе силы преодолеть их. К большому творческому подъему пришел Уткин в годы Великой Отечественной войны.

В 1941 году на Брянском фронте поэт подымал в атаку бойцов и был тяжело ранен: ему искалечило правую руку. В госпитале Уткин диктовал стихи и требовал, чтобы их посылали на фронт. Выздоровев, он научился печатать на машинке одной рукой. Его пытались демобилизовать как инвалида, но он категорически воспротивился этому. «Поэт всегда в строю», — говорил он. Уткин снова отправился в ряды Советской Армии. Много проникновенных стихов написал Уткин на фронте.

Он погиб при авиационной катастрофе, возвращаясь в Москву из Румынии, где проходила тогда линия фронта. Мертвый, он сжимал в руках томик стихов Лермонтова, переведенных на румынский язык.

Коротка литературная биография ленинградского поэта Ивана Федорова (1913—1942). Семнадцати лет приехал Федоров в Ленинград из тверской деревни. Работая столяром, он писал лирические стихи о советской деревне. В тридцатых годах они печатались на страницах ряда журналов. В начале войны родина призвала поэта в ряды армии. Он служил рядовым солдатом и погиб при форсировании Невы.

Юрий Черкасский (1912—1944) был одним из певцов

Донбасса. Живя в Ворошиловграде, он воспевал своих земляков — шахтеров, металлургов, строителей.

Как и большинство советских поэтов, Черкасский с первого дня войны стал в ряды Советской Армии. Он погиб при освобождении Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков.

Таковы судьбы поэтов-фронтовиков, стихи которых представлены в настоящем сборнике.

Здесь подобраны стихи, написанные поэтами в предвоенную пору и в годы Великой Отечественной войны. Отдельные стихи незначительно сокращены, в другие внесены редакционные поправки. Конечно, творчество каждого из представленных в сборнике поэтов шире и многосторонней, чем оно дано в этой книге, но нам кажется, что творческое лицо поэта можно определить и по нескольким стихотворениям.

Глубокий патриотизм, страстное желание служить народу, пламенная вера в победу — вот основы творчества поэтов, отдавших свою жизнь в боях за свободу и независимость нашей родины.

Евг. Долматовский

ВЛАДИМИР АВРУЩЕНКО

1908 — 1941

БРАТ

Плывут медлительные будни,
Как вечера плывут в закат.
Вчера навеки, беспробудно
Уснул мой брат.

А на земле гуляют вьюги
И весело дожди гремят.
Всегда учили мы друг друга
Итти и в дождь и в снегопад.

Шальная пуля, пуля-дура
Оборвала его судьбу,
Когда на Бахмач шел Петлюра,
А наши шли на Ворожбу.

Плывут медлительные строки,
Но как домой мне написать,
Что я да месяц лишь двурогий
Его ходили провожать.

А мать, пожалуй, не поверит,
Тоска посмотрит ей в глаза.
Скрипучие откроет двери,
Навстречу выйдет, на вокзал...

НАД ПОЛТАВОЙ ЛЕТАТ САМОЛЕТЫ

Синеватое,
 подернутое дымкой,
Утро авиации встает.
Голубой,
 крылатой невидимкой
Таает в небе
 легкий самолет.
Что ему воздушные просторы,
Жар наземный,
 духота
 и зной,
Реки мутноватые
 и горы,
Отливающие белизной?..

Там, в кабине,
 человек веселый
Подружился с небом на века,
Зеленую
 ему кивают доли,
Мимо
 проплывают облака.

Всё ему там близко
и знакомо,
Как в своем
родном доме.

И прожектора
аэродрома,
Словно огоньки
большого дома,
Из тумана тянутся к нему.

1934

* * *

Город легкой индустрии, и тюльпанов, и роз,
Город песни и грусти, где я плакал и рос.

В том зеленом соседстве, под курчавой горой,
Протекло мое детство невозвратной порой.

Что приснилось тогда мне, что мне снится
теперь...
Ветер хлопает ставней и баюкает дверь.

В доме шорох мышиный, лампы, чахленький
куст,
И над швейной машиной материнская грусть.

Мать следила за ниткой. Строчки шли под
иглой.
А за нашей калиткой мир шумел молодой.

И к нему — молодому — с новой песней в груди
Брат мой вышел из дому, чтоб назад не прийти.

.
Красной конницы поступь, шедшей в ночь
на Ростов,
По мосту отдавалась вдоль соседних мостов.

Зелень к небу тянулась, и бойцы-латыши
Про свободу и юность пели в южной тиши.

Пар стелился от речки вдоль плакучих раquit,
Перезвоны уздечек, переборы копыт.

Где веселые травы, что шумели в бою?
У крутой переправы я сегодня стою.

Мир попрежнему дорог. Солнце, зелень, вода.
И кудрявый мой город выбегает сюда.

Так шуми же листвою, синий клен, на могиле.
Кровью вражеской, злою волю мы окропили.

Утро входит в багрянце, и цветет наша вера —
Бирюзой гидростанций и трубой пионера.

Синим дымом машины, ясной волею класса
И стихами Тычины и Шевченка Тараса.

Так цвети ж, моя песня, звонкий труд и забава,
Как мой город любезный, голубая Полтава.

Вырастай же чудесней, честь отцов сберегая.
Тут кончается песня и приходит другая.

1934

* * *

...Штурмовые ночи Спасска,
Волочаевские дни...

Вся страна кострами бушевала,
Наливаясь выюгою знамен.
Нынче пел об этом запевало,
Подпевал Четвертый Батальон.

Шли и шли — и в непогоду злую,
Дождевою полночью, впотьмах,
Мы несли ту песню боевую,
Как ребенка носят на руках.

И ее дыханием доныне
Ветер века веет горячей.
Оттого, наверно, и не стынет
Память штурмовых ночей.

Снова фронт... Железа лязг и скрежет.
Наливаясь व्यюгою знамен,
Снова дует в трубы ветер свежий,
И кострами край наш опален.

Мы идем, штурмуя все преграды.
Никогда не кончится поход.
И о вас, ударные бригады,
Свежий голос песню запоем.

ПРИСЯГА

Советского Союза гражданин —
Я клятву нерушимую даю:
От волн каспийских до полярных льдин
Беречь большую родину мою.

На верность присягаю СССР,
И голос сердца для врага — грозой
Передо мной Чапаева пример
И подвиг героический Лазо.

Не сдам ни пяди дорогой земли,
Они дыханье отдали стране,
Их образы нам светятся вдали,
Их клятва раздается в тишине.

И оккупантов гонит славный Щорс,
Комбриг Котовский принимает бой.
И к Феликсу чекисты на допрос
Ведут шпионов полночью глухой.

И летчик Чкалов над страной парит,
Внизу поля любимые легли.
И комиссар Пожарский говорит:
— Умру, но не отдам своей земли!

Так присягали родины сыны.
И клятву, что сегодня я даю,
Как патриот и верный сын страны,
Собственноручной подписью скреплю!

Оружие для боя дал мне класс.
И, сил своих и жизни не щадя,
Я выполняю правительства указ,
Пойду в атаку с именем вождя!

1939

* * *

Тебе, мой друг, я завещаю песню.
Всегда в поход я брал ее с собой.
Она была душе моей любезна,
Сегодня ты в тиши ее запой!

И встанет край, завьюженный снегами,
Одной луны неповторимый круг, —
Одна лишь ночь над черными фронтами.
И дым костров, и тяготы разлук.

Лови слова, что в песенной погоне
Лихая жизнь аллюрами вела.
И песня шла, как конница, в разгоне,
Кусая звонкой рифмы удила.

Пускай навек тишайший мир расколот,
Зато теперь в той песне отражен
Осенних звезд неотразимый холод
И вечный жар пылающих знамен.

Гори, огонь Великих Пятилетий!
А Ветер Времени, бунтуя и гремя,
Червонным знаком будущее метит
И катит волны нашего огня.

В звучаньи труб придет наш день вчерашний,
Трудолюбив, спокоен и жесток.
Когда мы строили сторожевые башни
С бойницами на запад и восток.

День ото дня наш путь был неустанней,
От наших ног дороги горячи.
Наш гордый прах скрепил фундамент зданий,
Как известью скрепляют кирпичи.

И мир восстал по-новому над сушей
И над водой, где крепкий парус крут,
Такой зеленый, радостный, певучий!
И мертвым нам он отдает салют.

В тени знамен, нахохленных, как птицы,
Лежит боец, смежив свои глаза,
В которых, может быть, еще дымит
И чуть заметно движется гроза.

Он спит. И времени текут потоки.
И в напряженной снится тишине,
Что ты, мой друг, читаешь эти строки
Как лучший дар, как память обо мне.

ДЖЕК АЛТАУЗЕН

1907 — 1942

Я ПИШУ, ДОРОГАЯ, ТЕБЕ

Повезло нам сегодня с ночлегом —
Печка топится, лампа горит.
И подсолнух, засыпанный снегом,
Вдалеке на пригорке стоит.

Чай дымится, душистый и сладкий.
Отогрелись мы в теплой избе.
На листочке из синей тетрадки
Я пишу, дорогая, тебе.

Я пишу, а вокруг, дорогая,
Спят бойцы на шинелях своих,
Печка топится. Лампа, мигая,
Свет спокойный бросает на них.

Снова голос твой тихий я слышу, —
Он навеки мне в сердце проник:
— Как же, милый, на холод ты вышел
И забыл застегнуть воротник?

В светлой дружбе мы жили с тобою,
Как цветы полевые росли,
И над нашей чудесной судьбою
Вдруг топор занесли.

Ничего! Мы обрубим им руки,
Ничего! Стисни зубы сильней,
Каждый миг нашей гордой разлуки
Враг оплатит нам кровью своей.

Если б только увидеть могла ты,
Как ползу я с гранатой в дыму.
Грозный счет мой открыт для расплаты,
Платят кровью враги по нему.

Не один я такой в нашей роте,
Каждый счет свой открыл именной...
И берем мы втройне при расчете
За семью, за разлуку с женой.

За страну, за сады, что шумели,
Кровью платят враги нам сполна.
Правда, волосы чуть поседели:
Что ж поделывать, на то и война!

Дорогая, горжусь я тобою,
Только вспомню — и сердцу тепло.
К нам в окопы вчера, после боя,
Много разных подарков пришло.

Пулеметчики — варежки взяли...
И узнал я, мой друг, не таи,
Их у детской кровати вязали
Руки Родины, руки твои.

Зимний ветер в трубе завывает.
Спят бойцы — просыпаться им срок.
Печка топится, лампа мигает,
И дописан последний листок.

Я окреп для борьбы и для жизни,
И сплелось воедино во мне
Чувство родины, верность отчизне
С нежным чувством к любимой жене.

1942

РОДИНА СМОТРЕЛА НА МЕНЯ

Я в дом вошел, темнело за окном,
Скрипели ставни, ветром дверь раскрыло,
Дом был оставлен, пусто было в нем,
Но всё о тех, кто жил здесь, говорило.

Валялся пестрый мусор на полу,
Мурлыкал кот на испортой подушке.
И разноцветной грудой в углу
Лежали мирно детские игрушки.

Там был верблюд и выкрашенный слон,
И два утенка с длинными носами,
И дед-мороз — весь запылится он,
И кукла с чуть раскрытыми глазами.

И даже пушка с пробкою в стволе,
Свисток, что воздух оглашает звонко,
А рядом в белой рамке на столе
Стояла фотография ребенка...

Ребенок был с кудряшками, как лен,
Из белой рамки здесь, со мною рядом,
В мое лицо смотрел пытливо он
Своим спокойным, ясным взглядом...

А я стоял, молчание храня.
Скрипели ставни жалобно и тонко.
И Родина смотрела на меня
Глазами белокурого ребенка.

Зажав сурово автомат в руке,
Упрямым шагом вышел я из дома
Туда, где мост взрывали на реке
И где снаряды ухали знакомо.

Я шел в атаку, твердо шел туда,
Где непрерывно выстрелы звучали,
Чтоб на земле фашисты никогда
С игрушками детей не разлучали.

1941

На снежных полях завывают метели,
Кремлевские звезды сияют вдали,
В простых сапогах и солдатской шинели
Стоит полководец над картой земли,

И видит весь мир он, войной озаренный:
Разграбленный Краков, повергнутый Крит,
Пустынную Прагу, Париж покоренный,
И видит, как Лондон ночами горит.

Он видит воронки, кресты и могилы,
Ливийские пальмы, что гнутся к земле,
Каштаны позором покрытой Манилы,
Гвинею в зарницах и Яву во мгле.

И видит он край наш, большой и богатый,
Согретый, возвращенный, взлелеянный им,
Старинный Чернигов, пожаром объятый,
Заплаканный Киев, окутанный в дым.

Он видит, как рвутся к Москве бомбовозы,
Над городом Ленина стонет картечь,
Как рубят орловские наши березы,
Как душат родную славянскую речь.

Он множество виселиц видит в тумане,
Там люди наш гимн, умирая, поют,
Там Шура Чекалин и девушка Таня
За Родину юность свою отдают.

На снежных полях завывают метели,
Кремлевские звезды сияют вдали,

В простых сапогах и солдатской шинели
Стоит полководец над картой земли.

И смотрит он вдаль по-отцовски сурово,
И слышит не дрогнувший в бурю народ
Его вдохновенное, грозное слово —
Бессмертное мудрое слово: «Вперед».

И движутся в битву полки за полками,
Гремят батареи, бушует пурга,
И конники наши, сверкая клинками,
Штандарты вздымая, летят на врага.

Хрипят, задыхаются, воют фашисты.
На горле их сходятся тысячи рук.
Их смерть настигает, и снег наш пушистый.
Заносит, заносит тела их вокруг.

Пусть плачут невесты на Рейне и Майне,
Пусть жены и матери в страхе дрожат:
На русских равнинах, на склонах Украины
Немецкие синие трупы лежат.

Живыми враги не уйдут от расплаты.
Пусть штык их находит и пуля берет,
И пусть на куски их разносят гранаты —
Коль враг не сдастся, то пусть он умрет

На снежных полях завывают метели,
По тропам широким идем мы вперед,
И Сталин в суконной солдатской шинели
К победе и славе ведет весь народ.

*Юго-западный фронт.
1 марта 1942 г. (Посмертное стихотворение)*

РОДИНА

Разве можно свой край не любить,
Отвоеванный саблей бывалой,
Где ты рос, где ты стал запевалой,
Самолет научился водить?

Где ты в бурю не раз на штурвал
Клал без страха тяжелую руку,
Где ты все: и любовь, и разлуку,
Сладость славы и дружбу узнал.

Много стран есть на свете других,
Те же птицы там в воздухе реют,
Те же зерна там в яблоках зреют,
Те же косточки в вишнях тугих,

Но такая, как наша, одна.
Всю ее оmyвает волнами,
Вся она в полный рост перед нами,
Озаренная солнцем видна.

Ходит слава по нашей стране
Про того, кто стоит у кормила,
Чья работа, чья жизнь вспламенила
Искры, спавшие долго в кремне.

Он, как ветер с далеких широт,
Он, как высшее в мире искусство,
Он, как мысль, перешедшая в чувство,
Двигет нас неустанно вперед.

О ХОРОШЕЙ ПОГОДЕ

На баяне, зурне и бандуре
Славим в песнях мы нашу страну,
Запоет Комсомольск-на-Амуре,
И в ответ сквозь туманы и бури
Подпевает Ростов-на-Дону.

Льется песня навстречу восходу.
Хорошо нам и радостно жить.
Разве можно в такую погоду
Не смеяться, не петь, не любить!

Мы разгладим минутные складки,
Что в заботах на лица легли.
Веет ветер душистый и сладкий —
Это яблони нашей посадки
На родимой земле зацвели.

Скоро детям веселым в угодую
Будет солнце плоды золотить, —
Разве можно в такую погоду
Не смеяться, не петь, не любить!

Наша Родина славой богата,
Все мечты исполняются в срок,
Сын встает за отца, брат за брата, —
И летят молодые орлята.
Кто на север, а кто на восток.

Я хотел бы по синему своду
Легким облаком следом поплыть.
Разве можно в такую погоду
Не смеяться, не петь, не любить!

Для бойцов на границах далеких,
Самолетам, что в небе парят,
Морякам в океанах широких
Наши звезды на башнях высоких
День и ночь неустанно горят.

Их сиянье, как чистую воду,
Не посмеет никто замутить.
Разве можно в такую погоду
Не смеяться, не петь, не любить!

1939

* * *

Можешь землю до края пройти,
Можешь видеть луну над Манилой, —
Чище воздуха родины милой
Все равно на земле не найти.

Можешь ехать в Алжир и Бомбей,
Гнать стада по альпийскому лугу,
Все равно будешь рваться в Калугу,
Где когда-то кормил голубей.

За экватором на корабле,
Возле пальмы под Венецуэлой
Будешь бредить березкою белой,
Что растет на смоленской земле.

На ресницы слеза набежит,
Если вспомнить на дальней чужбине
О родимой ирбитской рябине,
Что от ветра стыдливо дрожит.

Может, молодость нас бережет,
Может, в бурях мы не огрубели,
Потому что у нас с колыбели
Чувство родины в сердце живет.

Мы его воспитали в себе,
Нас навеки оно породнило.
Люди с Темзы, Дуная и Нила
Слышат голос свой в нашей судьбе.

1940

ПРОЩАНИЕ

Хорошо
на свете жить,
Пограничником
служить!
Мне к ногам твоим
не жалко
Кудри черные
сложить.

Расставанья час
настал,
Ветер в уши
засвистал.
Выпью воду
из колодца,
Чтобы голос
чище стал.

А вода там —
 словно хмель,
А над нею
 птичья трель,
На одной ноге
 шагает
Прямо в небо
 журавель.

Бродит ворон
 у ворот,
На родном наречьи
 врет:
— Тот, кто любит,
 тот голубит,
На прощанье
 слезы льет.

Ты не верь ему,
 вралю,
Часто говорят:
 «Люблю»
Те, которые
 не знают,
Сколько верст
 от Л до Ю.

Разве стоит
 горевать?

Посмотри:
 родная мать

Вышла в новом полушалке
До заставы
проводить.

Ей слеза
ресниц не жгла.

Хороши
ее дела —
Сына, ладного какого,
Красной Армии дала.

Хлынул дождь
при свете дня,
В колокольчики
звоня...
Принесут письмо
без марки —
Это, значит, от меня.

1933

ПЕСНИ И ЖИЗНЬ

В. И. Лебедеву-Кумачу

Кто знает жизнь, не петь о ней не может.
В любом из нас живут ее дела,
Но только тот о жизни песни сложит,
Кто все в ней видит с высоты орла.

Для тех высот мы рождены орлами!
Так почему же, позабыв наш труд,

Нам говорят, что песни наши с нами
И, может, даже раньше нас умрут?

Мол, жизнь идет, не повторяясь снова,
Другие песни будут люди петь,
Мол, только то не умирает слово,
Что переходит в бронзу или медь.

Тогда оно не порастет бурьяном,
Дойдет к потомкам из времен глухих,
Как к нам дошел открытый под курганом
На древней чаше высеченный стих.

Что скажет он, землею занесенный,
Когда давно душа его мертва...
На чаше змей, из золота сплетенный,
Ужалить хочет древние слова.

Они мертвы, сковал их холод тяжкий.
Нет, наши песни сквозь века пройдут,
Как надписи на дагестанской шашке,
Что после боя в новый бой зовут.

И в них опять воскреснут наши были,
Как мы тянулись травами к дождю,
Как жили мы, боролись и любили,
И присягали в верности вождю.

Как мы росли, пылая, а не тлея,
Как он, который вечно будет жив,
Глядел на нас с улыбкой с мавзолея,
За борт шинели руку заложив.

И может быть, того не зная сами,
Воскреснем мы над славой наших слов,
Пускай, друзья, мы не были цветами,
Но были мы рассадой цветов.

Так подадим скорей друг другу руки
И поклянемся собственной судьбой,
Чтоб наших песен пламенные звуки
Борьбу и жизнь всегда несли с собой.

1938

РОДИНА ТОЛЬКО ОДНА

Просторам земли нет предела,
И звезд над землею не счесть,
Есть люди крылатого дела
И песни крылатые есть.

Есть юноши, девушки, дети,
Им общая радость дана.
Есть разные страны на свете,
А родина только одна.

Мы все океаны проплыли,
Прошли все извилины рек,
Но там, где росли и любили,
Останется сердце навек.

Там в каждой счастливой примете
Веселая юность слышна.
Есть разные страны на свете,
А родина только одна.

Не сыщешь пейзажа милее,
Никто так сердца не роднит,
Чем Сталин, когда с мавзолея
Он ласково в лица глядит.

Колышет над площадью ветер
Шинель из простого сукна.
Есть разные страны на свете,
А родина только одна.

Тебя охраняем мы свято
Винтовкой, гранатой, штыком,
Земля, по которой когда-то
Мы в детстве прошли босиком.

И ты, словно сад на рассвете,
Душистым дыханьем полна.
Есть разные страны на свете,
А родина только одна!

1937

ВЯЧЕСЛАВ АФАНАСЬЕВ

1903 — 1943

ИРТЫШ

Я мчусь над буйным Иртышом,
Иртыш рифмуя с камышом.

А он, угля черней, угрюмо
Играет с белою луной.
Косматым полчищем Кучума
Над ним камыш кипит густой.

В рябую ширь шуршит камыш
Издревле грозное: «Иртыш».

И, будто кольцами литыми,
Блестит лунной чешуей
И то опустит, то поднимет
На волнах панцырь золотой.

Железный мост, как звездный пояс,
Там отразится двойником.
Сквозь цепь огней грохочет поезд,
И дебри повторяют гром.

Летит, алмазами сверкая,
Экспресс Москва — Владивосток.
И белый пар над ним порхает,
Как бы почтовый голубок.

Прозрачным воздухом Сибири
Легко дышать. Ночь хороша.
И вижу я: над водной ширью
Встает казацкая душа.

1941

ТРОПА

Далеко, далеко за Сучаном
Затерялась в трущобах тропа,
Протоптали ее партизаны,
Негустая закрыла трава.

Тишина в этом сумраке древнем.
Но лишь ветер примчится лихой,

Зашумят вековые деревья,
Заскрипит, затрещит сухостой.

На листву, на прогнивший валежник
Зачастит мелкой дробью роса.
Словно кто-то идет осторожно,
Словно чьи-то звучат голоса.

Может быть, это вышли герои
Из своих из глубоких могил
И встают и смыкаются в строе,
Много в них и отваги, и сил!

Из Чугуевки, Спасска, Сучана,
Из Тернея подходят они,
И в болоте сыром и туманном,
Словно свечи, трепещут огни.

Тускло блещет стальное оружие,
А под кедром, разбитым грозой,
Перед войском товарищей дружных
Держит речь полководец Лазо.

Но умчится, развеется ветер,
Отшумит, приутихнет тайга,
И опять никого, и сквозь ветви
Серебрится речная дуга.

1938

* * *

Вслед за огненными лосями,
В сновиденьи ль, наяву ль,
Золотые стрелы осени
Просвистели в синеву.

Просвистели, и рассветная
Вновь струится тишина,
Только издали заветная
Чья-то песенка слышна.

Беспокойное и странное,
Что там в сердце, в глубине;
Или молодость туманная
Возвращается ко мне?

Что ж, пути ей не заказаны..
Друг далекий, подходи!
Сколько слов еще не сказано,
Сколько песен впереди!

1935

МОЙ ДОМ

На стыке четырех ветров,
На берегу морском,
Среди замшелых валунов
Стоит мой крепкий дом.

Когда на море тишина
И лишь звенит прилив
И на медлительных волнах
Проходят корабли,

Тогда что может быть милей
Для глаза моряка
Далекой кровли и над ней
Бегущего дымка?

Когда ж на море в злую ночь
Бушует вихрь и мрак
И кораблям уже невмочь
Мотаться в бурунах,

Тогда что может быть милей
Огня на берегу?
И лампу я для кораблей
В окне до утра жгу.

Пускай свирепствует Борей
И снег стучит в окно.
Горит очаг мой, и гостей
Ждет доброе вино.

На стыке четырех ветров,
На берегу морском,
Среди замшелых валунов
Стоит мой крепкий дом.

1938

* * *

Застигнутый последней метой
И песню не успев допеть,
Я все ж благословлю планету,
Когда придется умереть.

Благословлю ее за воздух,
Дыша которым был я смел,
За рек родных живую воду,
За песню ту, что не допел.

За колос брошенной пшеницы,
Чьи зерна с птицами делил,
За ложе на охапке листьев
Под пологом ночных светил.

Здесь я учился у народа
Урокам грозной простоты —
Любить и воспевать природу
Словами звездной чистоты.

1940

ВЛАДИСЛАВ ЗАНАДВОРОВ

1914 – 1942

В ОХОТНИЧЬЕЙ ИЗБУШКЕ

Когда в ледяшки превратятся ноги,
А путь лежит в Крестовую Губу,
Ты будешь счастлив, посреди дороги
Наткнувшись на охотничью избу.

Я дверь открыл. Здесь было все, что нужно
Для путника, озябшего в ночи:
Дрова, дымясь, потрескивали дружно,
И громко пел кофейник на печи.

Но для того, кто двое суток
Плутал по тундре не смыкая глаз,
Милей огня и добрых самокруток
На низких нарах брошенный матрац.

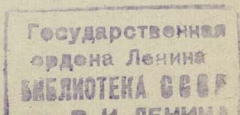
Я слышал сквозь дремоту, как мужчина
Растер мне ноги и раздел меня,
Закутал по-домашнему овчиной
И в горло вылил два глотка огня...

А утром только узкий след от нарты
Бежал на юг пустынной белизной
Да наспех нарисованная карта
Среди мешков лежала предо мной.

Начерченную углем на газете
Ту карту до сих пор я берегу,
Но кто навел хребты и горы эти,
По ней никак узнать я не могу.

Я не запомнил ни его походки,
Ни голоса, ни взгляда, ни лица,
Не знаю — то ль мы были одноклассники,
То ль старше был он моего отца.

Но год за годом кажется все чаще,
Что я встречаюсь постоянно с ним
В поселках, поездах, таежных чащах
И каждый раз под именем другим.

ВРЕМЕННЫЙ БАРАК

Я бываю рад, как другу,
Увидав сквозь полумрак
Сшитый на скорую руку
Старый временный барак.

Все бывшее в миг единый
Оживает предо мной:
Грубый стол и посредине
Смятый чайник жестяной,

А чтоб воздух был почище,
В окнах рамы без стекла.
В этом временном жилище
Наша юность протекла.

Жили голодно, но дружно,
Были веселы в беде,
Так смеяться простодушно
Не случалось мне нигде.

Мы не спали много суток
В гуле штурмов и атак,
Наши пальцы самокруток
Не могли скрутить никак.

И, задремывая прежде,
Чем к бараку подойдем,
Мы валились в спецодежде
На один топчан вдвоем.

В том же временном бараке
При мерцающем огне
Мы учились в полумраке,
Множа цифры на стене.

Разве вспомнишь, как бежали
Дни, что света полоса,
Как сердца у нас мужали
И ломались голоса?

После с песнями сносили
Нашей юности жильё,
И в дома переносили
Все имущество свое.

Но теперь барак лишь встретишь.
Только ступишь на крыльцо,
Словно молодости ветер
Обожжет мое лицо.

Пусть же новым поколениям
Он останется как след
Тех достойных изумленья
Опаленных бурей лет!

НА ВЫСОТЕ N

На развороченные доты
Легли прожектора лучи,
И эти темные высоты
Вдруг стали светлыми в ночи.

А мы в снегу на склонах голых
Лежали молча, как легли,
Не подымали век тяжелых
И их увидеть не могли.

Но, утверждая наше право,
За нами вслед на горы те
Всходила воинская слава
И нас искала в темноте.

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО

Лишь губами одними,
бессвязно, все снова и снова
Я хотел бы твердить,
как ты мне дорога,
Но по правому флангу,
по славным бойцам Кузнецова,
Ураганный огонь
открывают орудья врага.

Но враги просчитались.
Не наши,

немецкие кости
Под косыми дождями
сгниют на ветру без следа.
И леса зашумят
на обугленном черном погосте.
И на пепле развалин
поднимутся в рост города.

Мы четвертые сутки в бою.
Нам грозит окруженье,
Танки в тыл просочились,
и фланг у реки оголен,
Но тебе я признаюсь,
что принято мною решение
И назад не попятится
вверенный мне батальон.

...Ты прости, что письмо,
торопясь, отрываясь, небрежно
Я пишу, как мальчишка дневник
и как штурман журнал:
Все опять начинается.
Слышишь, во мраке крошечном
С третьей скоростью мчится
огнем начиненный металл?

Но со связкой гранат,
с подожженной бутылкой бензина
Из окопов бойцы
выползают навстречу ему...
Это смерть пробегает
по корпусу пламенем синим,
Как чудовища, рушатся
танки в огне и дыму.

Пятый раз в этот день
начинают юни наступленье,
Пятый раз в этот день
поднимаю бойцов я в штыки,

Пятый раз в этот день
лишь порывом одним вдохновенья
Мы бросаем врага
на исходный рубеж у реки.

В беспрестанных сраженьях
ребята мои повзрослели,
Стали строже и суше
скуластые лица бойцов.
...Вот сейчас предо мной
на помятой кровавой шинели
Непривычно спокойный
лежит лейтенант Кузнецов.

Он останется в памяти —
юным, веселым, бесстрашным,
Что любил по старинке
врага принимать на картечь.
Нам сейчас не до слез.
Над убитым товарищем нашим
Начинают орудья
надгробную гневную речь.

Но вот смолкло одно,
И второе уже замолчало.
С тылом прервана связь,
а снаряды приходят к концу.
Но мы зря не погибнем.
Сполна мы сочтемся сначала.
Мы откроем дорогу
гранате, штыку и свинцу.

Что за огненный шквал!
Всё сметет он!
Я ранен вторично.
Сколько времени прожито —
сутки, минуты ли, час?
Но и левой рукой
я умею стрелять на «отлично».
Но попржежнему зорек
мой кровью залившийся глаз.

Снова лезут, как черти.
Но им не пройти, не пробиться.
Это вместе с живыми
стучатся убитых сердца,
Это значит, что детям
вовек не придется стыдиться,
Не придется вовеки
украдкой краснеть за отца!

Я теряю сознание.
Прощай. Все кончается просто.
Но ты слышишь, родная,
как дрогнула разом гора?
Это голос орудий
и танков железная поступь.
Это наша победа
кричит громовое «ура»!

ЮРИЙ ИНГЕ

1905 — 1941

ОСТРОВ «Н»

Словно птица над островами,
Гордо реет багровый флаг,
Да, могуч укрепленный нами
Прибалтийский архипелаг.

Это грозные цитадели
Неприступных советских вод.
Здесь сегодня бои кипели,
Задыхаясь, строчил пулемет.

Не прорваться к заливам нашим,
Не пробиться на материк,
Грозен залп орудийных башен
И остер краснофлотский штык.

И глядят на врага сурово
Амбразуры бетонных стен.
Что ж, пускай попытаются снова
Взять атакою остров «Н».

Натыкаясь во тьме на скалы,
С каждым часом бандиты злей.
Это место кладбищем стало
Протараненных кораблей.

Снова мертвая зыбь диверсий
И воздушных боев пора,
Бьют без промаха прямо в сердце
Краснофлотские снайпера.

И когда говорят орудья
И дрожат голоса сирен,
На защиту отчизны — грудью
Подымается остров «Н».

В клочьях пены, огня и дыма
Тонет трижды отбитый враг.
Славный остров стоит нерушимо,
Гордо реет багровый флаг.

1941

НАШИ КОМИССАРЫ

Мы нынче опять вспоминаем, ребята,
Былые пути и бои,
Походные вахты питомцев Кронштадта,
Дела краснофлотской семьи.

И вот, по примеру обычаев старых,
На фронте священной войны
О славных отцах, боевых комиссарах,
Теперь вспоминают сыны.

В горячих сердцах — большевистское слово,
Бесстрашие и дерзость в груди.
Идут комиссары спокойно, сурово,
Как Сталин сказал, — впереди.

А если коварная пуля застигла,
Прервала уверенный шаг,
Подыдем штыков смертоносные иглы
Возмездьем победных атак...

Так славься же, меткость огня боевого,
Греми, орудийный расчет,
Звучи над землею, партийное слово,
Горячее слово: «Вперед!»

1941

СТАРЫЙ КОРАБЛЬ

Проржавев от рубки до заклепок,
Он свое отплавал на морях.
Снег лежит на палубе, как хлопок,
Ночь стоит на мертвых якорях.

Этот крейсер, ветхий и невзрачный,
Он давал четырнадцать узлов,
Но теперь от времени прозрачны
Стенки износившихся котлов.

А из порта движется эскадра,
И смеется флагман, говоря:
— Я на нем служил три года в кадрах,
Этот крейсер знает все моря!

Он когда-то был последним словом
Кораблестроительных наук.
Много лет он нам казался новым, —
Старость замечаем мы не вдруг!

И мечталось флагману в походе,
Что когда-нибудь изобретут
Вот какой сигнал во флотском своде:
«Отставному крейсеру — салют!»

Кронштадт. 1941

МОРСКОЙ МУЗЕЙ

Здесь все доподлинно и честно.
История нам не солжет.
Гордись же Балтикой и Чесмой,
Непобедимый русский флот.

Отвагой кировских флотилий, —
От Астрахани до Баку
Они с лихвой за все платили
Белогвардейскому штыку.

И если вспомним мы с печалью
В боях погибшие суда,
То скажем — в море исчезали,
Но не сдавались никогда.

Войди в музей, взгляни, исследуй
Всю родословную морей,
Гордись блестящею победой
Петровских первых кораблей.

Будь всем врагам суровой карой
Родного берега оплот!
На всех морях земного шара,
Краснознаменный, славься, флот!

1941

ТРАЛЫЩИКИ

Седое море в дымке и тумане,
На первый взгляд такое, как всегда, —
Высоких звезд холодное мерцанье
Колеблет на поверхности вода.

А в глубине, качаясь на минрепах,
Готовы мины вдруг загрохотать
Нестройным хором выкриков свирепых
И кораблям шпангоуты сломать.

Но будет день... Живи, к нему готовясь, —
Подыметесь с протраленного дна,
Как наша мысль, достоинство и совесть,
Прозрачная и чистая волна,

И потому мы, как велит эпоха,
Пути родного флота бережем,
Мы подсечем ростки чертополоха
Зовущегося минным барражом.

В морских просторах зная все дороги,
Мы уничтожим минные поля.
Свободен путь. Звучи, сигнал тревоги!
Дроби волну, форштевень корабля!

1941

КОМСОМОЛЬЦАМ

Когда над нами тучи кружатся
И гром раскатист и тяжел,
Встает, горя высоким мужеством,
Вооруженный комсомол.

И вновь, как в ночи штурма Койвисто,
По черепице вражьих крыш
Грохочут залпы бронепоезда,
Кроша полуночную тишь.

Идет стремительными маршами
Сквозь бешеный свинцовый дождь
За ветеранами, за старшими
Земли советской молодежь.

И день-деньской не зная отдыха,
Летя в заоблачный простор,
Хозяева морей и воздуха
Дают захватчикам отпор.

Покрыты пеплом наши яблони,
Но молодость идет сквозь дым —
На бессарабском фронте саблями,
В тылах ударом штыковым.

Та сила грозная, стихийная
Выходит на разбитый шлях.
Стоит прислугой орудийною
На наших мощных кораблях.

И вновь походами бесстрашными
Сверкает юность наших дней
Над бронированными башнями
И у зенитных батарей.

И утихают волны скользкие,
И дышит радостью земля,
Когда отряды комсомольские
Идут десантом с корабля...

Так в бой, овеянная славою,
Сквозь пламя и свинцовый дождь
За наше дело, дело правое,
Шагай к победе, молодежь!

1941

ПОДВОДНИКИ

Мы подвигами жизнь свою возвысим,
Но, несомненно, нас переживет
Газетный лист и два десятка писем
С лиловым штампом «Действующий флот».

О всех боях, о каждом эпизоде
Располагает сведениями ТАСС.
Мы, между прочим, вспомним о погоде,
Которая не баловала нас.

Еще нигде подводники зимою
Не рисковали плавать подо льдом,
А мы прошли, оставив за кормою
Пловучих мин Гоморру и Содом.

...Да, мы упорно двигались по следу,
Оставшемуся в море от кия,
И помню я, как первая торпеда
Впилась в тяжелый корпус корабля.

За две недели это был четвертый...
В борту зияла черная дыра,
Когда за нашей лодкою из порта
Торпедные помчались катера.

Со всех сторон по мертвому простору,
Блестевшему, как яркая парча,
Как будто гончих спущенная свора,
Они неслись, от ярости рыча.

Торпедный залп. И с грохотом тротила
В отсеки лодки ринётся потоп.
Лишь за секунду море поглотило
Наш осторожный зоркий перископ.

Потом мы слышим грохот канонады
На сорокаметровой глубине,
В таком разрезе «прелести» осады
Дают себя почувствовать вдвойне.

...Здесь превратиться в бранные останки
Команда может в несколько секунд.
Пора! В стальной закупоренной банке
Вы от врага уходите на грунт.

Лишь поутру противник снял осаду.
Всему конец. На свете нет чудес.
Как хорошо, что к хитростям Синдбада
Уже давно утрачен интерес.

Залив замерз. Арктической пустыней
Тянулись вдоль торосистые льды,
Уже нигде не видно было синей,
Бушующей, неистовой воды.

Все, что в морском гремело поединке,
Ушло под лед, застыло поутру,
И так лениво падали снежинки
На искристую белую кору.

И, словно в сказке старого Синдбада,
Вонзая в лед зазубренный таран,
Вдруг на поверхность выплыла громада,
Как бы подводный зверь Левиафан.

А командир, окинув взглядом дали,
Со лба стирает выступивший пот
И отдает приказ по магистрали —
Подводной лодке продолжать поход.

1940

БУДНИЧНЫЙ ПОЛЕТ

Морской пилот совсем особой стати —
Аэронавт и вместе с тем моряк.
Такое совмещение, понятно,
Сулит немало разных передраг.

Его депеши утренние флоту
Необходимы через каждый час.
И он летал, на финские болота
Обрушивая весь боезапас.

Снега, снега... Нет им конца и края,
Над Балтикой от них нельзя вздохнуть.
Алеют зори, ярко догорая,
И замерзает в градуснике ртуть.

Разрывы бомб отчетливы и громки,
Крыло свинцом царапнуло... Опять!
Вернуться в порт, не кончив фотосъемки...
Нет, чорт возьми, такому не бывать!

Он прячет, словно драгоценный слиток,
Ледком покрытый фотоаппарат.
Теперь плевать на бешенство зениток,
Теперь, пожалуй, можно и назад.

Уже близка советская граница,
Но, в разреженном воздухе звеня,
Идут машины вражьи, — не пробиться
Им сквозь заслон зенитного огня.

Ревнивей жен, заботливее няnek,
Вернее всех взволнованных сердец —
Машину опекающий механик,
Ее земной хозяин и отец.

В ней было все проверено на совесть.
Нет! До сих пор не верится в беду.
Он нервничает, к худшему готовясь,
Шагает по завьюженному льду.

И все сильней неистовство метели,
Сильней мороз захватывает дух,
Давно в бинокле линзы запотели,
Все притупилось — зрение и слух.

Холодный ветер сосны гнет со свистом,
Мелькают хлопья белые, крутятся,
И безуспешно пробуют радисты
Восстановить утраченную связь.

Где самолет? Быть может, возле кромки
Бомбежкой исковерканного льда
Еще видны горящие обломки,
Которые исчезнут без следа.

И вдруг, прорвав тугую оболочку
Туманной мглы, скрывающей зенит,
Возникла в небе маленькая точка,
И кто-то крикнул радостно: «Летит!..»

Последний круг. Посадка у ангара,
Еще трепещут лопасти винта,
Еще полны слабеющего жара
Пронизанные пулями борта.

Пилот снимает шлем. У подбородка
Кровь запеклась. Он выбрался на трап
И, протянув друзьям метеосводку,
Едва сказал, теряя силы:

— В штаб!

А через час блестящая машина,
Перед ангаром сделав поворот,
С запасом бомб и авиабензина
Пошла в обычный будничный полет.

По всем путям гнала поземку выюга,
Темнели мрачно финские леса,
И бортмеханик, проводивший друга,
Курил табак, смотря на небеса.

1940

ЯНВАРЬ СОРОКОВОГО ГОДА

Суров январь сорокового года,
Покрыты белым пухом берега.
Синоптик мрачен. Скверная погода.
Шуршит в заливе скользкая шуга...

Весь день над шаткой палубою тучи,
Стоят морозы несколько недель,
Январский лед, тяжелый и колючий,
Пловучую сжимает цитадель.

На корабле собираются к обеду,
Встречают кока дюжиной острот,

Течет спокойно мирная беседа,
Пока ее тревога не прервет.

Война, война. На строгости традиций
Она не отражается ничуть,
И горе вам, рискнувшим не побриться,
И вам, шинель забывшим застегнуть.

Но вдруг ворвался в шумные отсеки
И зазвенел прерывистый сигнал,
Единым звуком в каждом человеке
Он мускулы спружинил и собрал.

Клокочет море. Сипло завывая,
Холодный ветер палубы сечет,
А вдалеке, как будто неживая,
Лежит земля, закованная в лед.

И тишина минуты на две, на три,
Как перед смотром части войсковой.
Перед началом оперы в театре
Или в глухой тайге перед грозой.

Природа мрак над Балтикой простерла,
Померк под снегопадом зимний день.
Шестидюймовок стынувшие жерла
Нащупывают первую мишень.

За этот миг ледовою коростой
На корабле железо обросло.
Ты не легко, не шуточно, не просто,
Жестокое морское ремесло!

Но для того, кто в молодости выбрал
Бесстрашье вечным спутником своим,
Нужна работа крупного калибра
И крепкий шторм подчас необходим.

Чтоб, никогда не ведая испуга,
Смотреть, как в черный вражеский зенит
Пружина боя, скрученная туго,
Молниеносным залпом зазвенит.

Как жадно звуки схватывает разум,
Когда мишень на целике видна,
И наконец магическим приказом
Звучит короткий возглас ревуна.

И сразу башня вздрогнула... другая...
Небесная качнулась высота,
Оранжевое пламя изрыгая,
Орудия взметнули хобота.

Казалось, море выло и гудело,
Противник бил наводкою прямой,
Эсминец рыскал в зареве обстрела,
Фонтаны оставляя за кормой.

Разбиты восемь движущихся точек.
Осталось две, они еще палят.
В предсмертной злобе раненый наводчик
Шлет свой последний яростный снаряд.

А в это время где-нибудь в Сибири,
Быть может, на краю материка,
В просторной и натопленной квартире
Ласкает сына нежная рука.

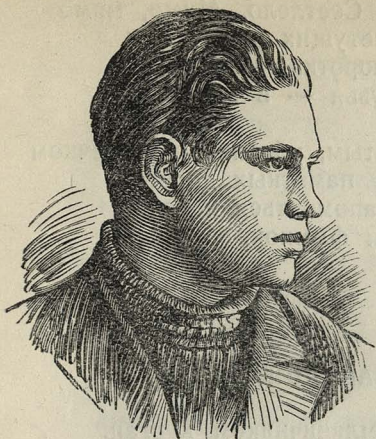
Вихрастый и взъерошенный мальчишка,
Ему совсем не хочется в постель,
Пред ним до дыр зачитанная книжка
И корабля картонная модель.

Уже двенадцать. Передана сводка,
А он не спит. И в шуме у крыльца
Ему все время слышится походка
На вахту заступившего отца.

И видит он клокочущее море
И слышит рядом плачущую мать,
А женщина, суровая от горя,
Все думает: сказать иль не сказать?..

И сдерживает, пряча телеграмму,
Рыданья, в горле вставшие комком...
— Усни, сынок! — А он твердит упрямо,
Как все мальчишки: — Буду моряком!..

1940

БОРИС КОСТРОВ

1912 — 1945

НА РАССВЕТЕ

Оросив слезами щедро травы,
Поломав на межах васильки,
Закричали матери: — Куда вы? —
Девушки закутались в платки.

А седой, безрукий, молчаливый,
Ветеран войны и звездочет,
Заломив седую ветку ивы,
Вспомнил вдруг четырнадцатый год.

И вздохнул. Светлело. Мимо, мимо
Деревень, цветущих рощ и хат
Шли в косоворотках побратимы,
Земляки, друзья — в военкомат.

Там над чистым, убранным крылечком
На развилке памятных дорог
Реял, чтоб запомниться навечно,
Алого сияния флажок.

1942

ЗАКАЗНИК

Заросший земляничником курган.
Таскают хвою муравьи на спинах.
Растет и зреет яркая малина.
Клыкастый пенёк
Стоит, как истукан.

Кроты пещеру под корнями роют,
И в тишине —
до звезд вознесена —
О купол неба бьется головою,
Не в силах с места тронуться, сосна.

По ветру к солнцу медленно летит
Пернатых новоселов стая,
Но безучастно —
с дерева —
седая
Сова на мир полуденный глядит.

Безмолвствую в раздумьи.
Очарован
Речушкою, что буйствует во рву.

...Я счастлив тем,
Что я к земле
 прикован,
Что все во мне
И я во всем живу!

1939

ОСЕНЬ

Мы в полночь вышли на крыльцо
И не узнали, помнишь, сада.
Твое открытое лицо
Зарделось вдруг от снегопада.

И бесконечно, и легко
Снежинки падали и, тая,
Кружились.
Где-то высоко
Кричали птицы, пролетая.

В пути застиг их первый снег.
Вожак хлестал крылами выюгу
И вел —
 встревоженный за всех —
Ширококрылых братьев к югу.
«Так люди ходят напролом», —
Подумал я.

А ты
вздохнула

И белым
Шелковым платком,
Как лебедь крыльями, махнула.

1939

СЫН ПАРТИЗАНА

Горел угрюмый камелек,
Лениво маятник качался,
Мальчишку били
Кто как мог,
Но он стоял и улыбался.

Вчера здесь было так темно, —
Он полз по ледяному скату,
Чтоб в затемненное окно
Швырнуть последнюю гранату.

На всем видны ее следы:
И пол в крови,
И печь осела...
Еще б махорки да воды,
И смерть тогда — пустое дело.

Он знал,
Он помнил, что отцу
Под пытками труднее было...
А кровь струилась по лицу,
И детство в мужество входило.

1944

Такой, как все: в треухе, в полушубке,
Не по годам заросший бородой,
Шутил солдат. А дым валил из трубки,
И он его отмахивал рукой...

Он говорил спокойно и негромко
— Ну разве, други, в том моя вина,
Что русская беспечная девчонка
В меня под Омском где-то влюблена?

Отбоя нет от писем и открыток,
От самых нежных в многоточьях строк...
У юности всегда большой избыток
Душевных чувств, догадок и тревог.

Спасенья нет! А началось все просто.
Пришла посылка... (Экая беда!)
Вот если б храбрым был я, как Матросов,
Тогда б понять все можно без труда.

А то — сапер! — Все улыбнулись. Мирно
Горел костер. Дул южный ветерок.
Смолистый пень в сугробе, как мортира,
Стоял. И ночь трубила в лунный рог.

Преодолев молчанье, неторопкий,
Он встал: пора! Снег падал с высоты,
Вздохнули все. И он пошел по тропке
Ломать мостам железные хребты.

1944

В РАЗВЕДКЕ

Во фляге — лед.
Сухой паек.
Винтовка, пять гранат.
И пули к нам наискосок
Со всех сторон
Летят.

Быть может, миг,
Один лишь миг —
И
Тронет сердце
Смерть.
Нет, я об этом не привык
Писать стихи
И петь.

Я говорю,
Что это бред! —
Мы всех переживем,
На пик немеркнущих побед,
На пик судьбы
Взойдем!

А то, что день
И ночь — в бою,
Так это не беда.
Ведь мы за Родину свою
Стоим горой
Всегда.

Сухой паек.
Метет пурга.
Рвет флягу синий лед.
Непроходимые снега,
Но путь один —
Вперед!

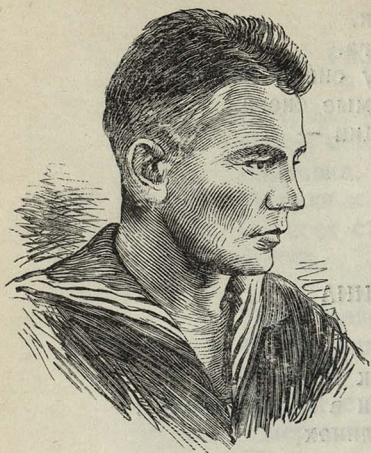
1942

РОДИНА

Шумная,
Бескрайная, как море, —
Все твои дороги в Кремль ведут,
И в твоих долинах
И на взгорьях
Труд и доблесть запросто живут.

Ты такая,
Что не сыщешь краше,
Хоть всю землю трижды обойди.
Ты, как море, —
Нет, как сердце наше,
Вечно с нами, Родина, в груди.

1941

АЛЕКСЕЙ ЛЕБЕДЕВ

1912 — 1941

УСЛОВИЯ ПОБЕДЫ

Что же нужно для побед на море?
Это — чтоб со стапелей земли.
Пеною пушистой борт узора,
Выходили в море корабли.

И во имя Родины покоя
Нам нужна солидная броня,
Точное оружие морское,
Мощь артиллерийского огня.

Нужно знать нам кораблевожденье
Так, чтобы уметь пройти везде,
Знать науку мудрую сражений
На соленой вспененной воде.

Это есть! Творит страна родная,
Верфи действуют на полный ход,
Крепнет сила твердая морская,
Словно лес, растет советский флот.

И еще дает страна родная
Качество ценнейшее в боях
Всем сынам, которым поручает
Вахту в океанах и морях, —

Это — смелость в час суровой жизни,
Это — волю, что всего сильнее.
Это — сердце, верное отчизне
И не изменяющее ей.

ПЕСНЯ О ДЕСАНТЕ

Был приказ немногословный, четкий —
Подойти и там, где мрак черней,
Выгрузить людей и пулеметы,
Легкие орудья и коней.

Чтобы роты ринулись обвалом
На тылы и станции врагов,
Чтобы в дымном небе засверкали
Молнии отточенных клинков.

Липла к телу взмокнувшая роба,
Бескозырку унесло к чертям,
Мы орудия тяжелый хобот
Бережно спускали по таям.

Кубрика переступивши комингс,
Ослепляемые темнотой,
Водным оглушаемые громом,
Шли бойцы по палубе крутой.

Но, вися на выбленках¹ шторм-трапа
Над такой невиданной волной,
Ни черта не трусили ребята
Боевой дивизии шестой.

Разве нас буруны удержали?
Выгребал вельбот среди камней.
Раздавалось радостное ржанье
Выгруженных на берег коней.

Мы пребли сквозь этот ветер строгий,
Не светил на берегу огонь;
И легла надежно подмогой
На весло армейская ладонь.

Мы не ждали бурного рассвета,
И тебя я, друг, не увидал,
Не узнал, кто, дружбою согретый,
На весло со мною налегал.

¹ Тонкие тросы.

ВЫБОР ПРОФЕССИИ

Нам доли даются любые,
Но, видишь, сквозь серый туман
Дороги блестят голубые,
Которыми плыть в океан.
Ты видишь простор океанский,
Далекого солнца огонь,
К штурвалу тревоги и странствий
Твоя прикоснулась ладонь.
Под паруса шелестом тонким
Уже ты проходишь со мной
По палубе чистой и звонкой,
Омытой песком и волной.
Идем над глубинами в дали,
Всех мелей минуя пески, —
Не нам ли навстречу всплывали
Туманные материки?
И там, где пролив Лаперуза,
И там, где балтийский прибой, —
Военные флаги Союза
Высоко летят над тобой.
1939

ПОХОДНЫЙ ДНЕВНИК

1

Давно мы покинули Черное море,
Давно отсветила огнями Таврида,
Увидели мы кайки на Босфоре
И желтый от зноя песок Порт-Саида.

Нам солнце сверкало
Громадным опалом
Над узким и малым
Суэцким каналом.
Побывшему долго под властью зюйд-веста
Вид каждого города сердцу отраден
И даже такого забытого места,
Как яростным солнцем сжигаемый Аден.
Вершина горы облаками покрыта,
А дальше о ней позаботились люди,
Английских владений оплот и защита —
Повисли над морем массивы орудий.
Когда же настало нам время отхода,
Вошли мы в английскую службу погоды,
А нам сообщают оттуда резонно:
«Погода вполне отвечает сезону».

2

Казалось, что солнце шипело, как бомба,
Готовая в толще воды разорваться,
Когда мы под вечер прорвались в Коломбо
И в гавани к стенке пришли швартоваться.
Мы в рай попадать ни за что не желаем, —
На райские двери наложены пломбы,
Но нам говорят: рай-де — мелочь пустая
В сравнении с городом этим Коломбо.
В раю, может, так, ну, а нам, непривыкшим,
Без ругани трудно увидеть такое,
Как катит на тощем, измученном рикше
И курит сигару лицо должностное.

Как будто китовые черные спины,
Лежат над водой острова Филиппины.
И в сумраке синем морского восхода
Достигли мы этого порта захода.
Утесами мрачной расцветки свинцовой
Всплошную громаднейший порт окольцован.
Мы тоже довольны стоянкой в порту,
И песен разносятся звуки,
И форменки сохнут ввыси на шкерту,
И гладятся белые брюки.
И трелью, звенящей, как ливень косой,
Сверкая такой же, как флот, чистотой,
На берег уходит команда.
Куда ни ведет нас проулков тропа,
Асфальт или туф под ногами,
Почтительно следует всюду толпа
За нашими моряками.
Чем дальше, тем больше поклонников хвост,
Взирающих с робкой надеждой,
И выправку хвалят, и плечи, и рост,
И нашу морскую одежду.
Мы были на фабрике местных сигар.
Табачным листам увяданье
Приносит жестокий томительный жар,
Парящий в приземистом зданье.
И сотни работниц вдыхают тот чад,
Подолгу работа их длится,
Их руки иссохли, их губы молчат,
Худые и бледные лица!..
Но... принято масло и принят соляр,
Цистерны налиты водою,

И завтра на рее поднимется шар
И мол поплывет за кормою.
Но нужен погоды прогноз штурманам,
Здесь часто шумят ураганы,
Идут за прогнозом к портовым власиям
Со всех кораблей капитаны.
Блюдя в чистоте непреклонность традиций,
На яхте своей, белоснежнейшей «Норе»,
К нам консул английский явился проститься,
Желая удачи и тихого моря.
Еще он добавил (на адской жарнице),
Что в бухте Манильской, средь этих утесов,
Вовек не бывало культурней и чище
Команды, чем наши — советских матросов.

4

Четвертые сутки рокочут машины,
Остались в тумане вдали Филиппины.
Не так уже много до дома итти.
Ветра холоднее и суше.
Но только внимательней будь на пути!
Нагрузку — на очи и уши!
Кончаются путь и дневник мой короткий,
Написанный в гуле ветров,
Запенилось море, всплывают подлодки
Родные у наших бортов.
Под небо взлетает сигналом горенье,
Как лозунг, как песня побед:
«Да здравствует наших эскадр пополнение.
Командам бесстрашным привет!»
Не зря наша сила, не зря наше рвенье,
Поход завершается в срок.

Приходит на видимость порт назначения,
Грохочущий Владивосток.
Встает воспитавшая племя морское,
Учившая нас побеждать,
Ведущая нас сквозь шторма и прибои
Советская Родина-мать.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ПОХОДА

Когда мы подвели итог тоннажу
Потопленных за месяц кораблей,
Когда, пройдя три линии барражей,
Гектары минно-боновых полей,

Мы всплыли вверх, — нам показалось
странно
Так близко снова видеть светлый мир,
Костер зари над берегом туманным,
Идущий в гавань портовой буксир.

Небритые, пропахшие соляром,
В тельняшках, что зараз не отстирать,
Мы твердо знали, что врагам задаром
Не удалось в морях у нас гулять.

А лодка шла, последний створ миную,
Поход окончен, и фарватер чист,
И в этот миг гармонику губную
Поднес к сухим губам своим радист.

И пели звонко голоса металла
О том, чем каждый счастлив был и горд:
Мелодию «Интернационала»
Играл радист. Так мы входили в порт.

1940

НА ТРАВЕРЗЕ ГАНГУТА

Из мглы, которой мир окутан,
Сверкнули красные лучи:
Маяк на траверзе Гангута
Мне открывается в ночи.

То не прибой в притоках шхерных
Гудит, как отдаленный гром, —
То в море вышел флот галерный
На курс, указанный Петром.

А он камзол промокший сбросил,
И под рубахою простой —
Стук сердца в такт ударам весел,
Галерыдвигающих в бой.

И все левее, все мористей,
В обход чужого корабля
Отводит румпель твердой кистью
Матрос, стоящий у руля.

И заревели в лете ядра,
И с пламенем слилась вода,
На Эреншильдову эскадру
Рванулись русские суда.

Трубы сигнальное трезвучье,
Еще мгновение продлись!
И когти абордажных крючьев
В фрегаты шведские впились.

«Вперед!» — гремят раскаты глухо.
Пусть смерть разит идущих в бой
«Не токмо ядрами, но духом
От той стрельбы пороховой».

Уже вдали мы... Еле-еле
Короткий блеск взрезает тьму,
Но на маяк проложен пеленг,
И место взято по нему.

И впереди у нас минуты,
Когда за жизнь страны своей
Пройдем мы шхерами Гангута
И тысячью иных путей.

1940

ПРОЩАНИЕ

Мы попрощаемся в Кронштадте
У зыбких сходен, а потом
Рванется к рейду серый катер,
Раскалывая рябь винтом.

Вот облаков косою тенью
Луна подернулась слегка,
И затерялась в отдаленьи
Твоя простертая рука.

Опять шуметь над морем флагу,
И снова, и суров и скуп,
Балтийский ветер сушит влагу
Твоих похолодевших губ.

Уходят врозь пути кривые,
Мы говорим «прощай» стране;
В компасы¹ смотрят рулевые,
И ты горюешь обо мне.

Но, если пенные объятъя
Нас захлестнут в урочный час
И ты в конверте за печатью
Получишь весточку о нас, —

Не плачь, мы жили жизнью смелой,
Умели храбро воевать.
Ты на штабной бумаге белой
Об этом можешь прочитать.

ЕЕ ПИСЬМО

Возможно ли, чтоб годы эти
Щадили нас, — но вновь встает
Апреля горьковатый ветер,
Тревожный шум воскресших вод,
Возможно ли в разлуке дальней,
В надеждах, в помыслах, в крови

¹ На морском жаргоне.

Хранить огонь первоначальный
Наивно-горестной любви.

А я, как ива в пору злую
Октябрьских бешеных ветров,
Клонюсь под градом поцелуев
Горячечных и нежных слов.

За нами буря и походы,
И можно ли, мой милый друг,
Вознаградить себя за годы
Былых и будущих разлук?

О, потеплевший под руками
Чугун ограды ледяной!

Нет, не смеюсь я над слезами,
В тот вечер пролитыми мной.

Теперь мне легче и свободней,
Отбушевал внезапный гром,

Я не могу писать сегодня
Тебе о чем-нибудь другом.

ВАДИМ СТРЕЛЬЧЕНКО

1912 — 1941

ВАЛЕНТИН

Поэма

1

Ты рожден. Все слепяще и ново.
Есть глаза,
Но мешаются тени и свет.
Есть язык, но не высказать слова.
Есть и ноги и руки,
А силы в них нет.

Что кричишь ты? Никто не узнает...
Громче, громче!
И вдруг — бесконечно легко:
Что-то близится, рот закрывает.
Тише...
Сладко коснулось тебя молоко.

А порой колыханье, журчанье...
Ты рванешься, забьешься,
И все-таки ты
В этой маленькой цинковой ванне
Примешь заповедь нашу
Людской чистоты.

Вот исчезли горячие струи,
Ты дрожишь в полотенцах,
Ресницы смежив,
Губы выпятил, как в поцелуе.
Я стою над тобою.
«Ты с нами!
Ты жив».

Разговоров уже не вести нам:
— Сколько будет их:
Двое или один?
Ольгою назовем? Валентином?
А по-моему — дочь.
А по-твоему? — Сын.

Покупая до срока пеленки,
Неизвестную тяжесть
Впервые неся,
Мать — она не хотела девчонки,

Почему-то хотела,
Чтоб сын родился.

...Время шло. И птенцы пробивали
Скорлупу.
Воздвигались радуг мосты.
И ромашки и травы вставали,
От корней до вершинок
Водой налиты...
И на свет появился мужчина,
В дни грибов
И пудовых плодовых ветвей.

Так рождение в образе сына
Стало, может быть,
Первой удачей твоей.

Что — удачей? Не знаю... Я верю
Только в то, что впервые
Стою над тобой.
Вся — меж форточкою и дверью —
Наша комната стала
Как будто другой.

(А не клали на стены белила,
Полотеры
До блеска не красили пол.
И сиянье не озарило...)
Это что?
Это крошка-хозяин пришел.

За июльской ольхой, за сосною
 Нам с тобою
 И не увидеть из окна
 Все зеленое, голубое,
 Многолюдное, круглое...
 Спи. Тишина.

Ты не слышишь гудения пара.
 Это поезд ведут
 Две людские руки.
 А за ним барабанов удары.
 Бьют дубовыми молотами
 Мостовщики.

Чуть примолкнут — в траве оживает
 Жизни малое войнство,
 Жук и пчела:
 Человеческий слух
 Отмечает шуршание,
 Шорох сверла.

В небе — гул заводской: самолеты!
 Нам не надо покоя!
 Покоя и нет.
 В этот мир многорукой работы
 Ты войдешь
 Через двадцать, наверное, лет.

Спи, пока от работы в сторонке.
 Отлежишься
 В пеленочном узком тепле, —
 Мы научим кривые ножонки

Неустанно и прямо
Шагать по земле.

...Мозг затеплится по-человечьи,
За отцом повторишь ты
(Как эхо вдали!)
Буквы всюду прославленной речи,
Пред которой
За морем дрожат короли.

— Привыкай. Упивайся вначале
Сонной белою каплей, —
Шепчу я любя. —
Девять месяцев мы ожидали
Ведь недаром тебя, —
Мы хотели тебя!

3

Девять месяцев ожидания!
...Осень (держатся слабо
На ветках плоды...)
...Вот январь (белизна и мельканье).
...Май (и травы,
И вечная песня воды!).

Девять месяцев мчался по кругу
Шар земной,
А на нем уносило и нас.
Я украдкой глядел на подругу
И увидел:
Не та она стала сейчас.

Гребень, пудра, флаконов мерцанье —
Все, как прежде, на столике,
Даже сильней
Стало женское это желанье —
Быть как можно моложе,
Красивей, стройней.

Украшалась лентой, браслетом
И подолгу причесывалась
По утрам.
А уж новым, загадочным светом
Тихий луч
Подымался от сердца к глазам.

И светилась в них не забота
О корзинах, о доме,
Не боли в крестце.

Величавое, легкое что-то
Загоралось
В ее потемневшем лице.

Это зрела великая сила,
За которую
Юность не жалко отдать.

Это Девочка уходила
В тихий мир фотографий.
Являлась Мать.

Клава! В нашем зеленом альбоме
Есть одна фотокарточка:
...Кажется, сад
(Иль обои цветочные в доме),

Вкруг большого мяча
Пионерки сидят.
Лет по десять вихрастым девчонкам.
Схожи галстуки.
Детски улыбчивы рты...
Мать, несущая миру ребенка!
Разве та тонкорукая девочка —
Ты?

4

Ну, а я? Ведь и сам я порою
Видел: новое сердце
Вошло в мою грудь.
Каждой женщине, встреченной мною,
Уступаю любовней
На улицах путь.

Каждый лист, повернувшийся к свету,
Все живущее
Кровь оживляет мою.
Не глазами — всем телом планету
Ощущаю, как солнце, теперь
И люблю.

Все мне стало родней и знакомей,
Стали зорче глаза мои,
Тверже слова.
И заботой о хлебе, о доме
Наконец-то наполнилась
Голова.

Что тут скажешь?... И в радостной дрожи
Я сказал,

Приоткрыв, как при пении, рот:
— Эй, мальчишество! Юность! Ну, что же
Ты уходишь?
Прощай. До свиданья.

Ну вот,
Все прощай: торопливые речи,
Влопыхах необдуманные слова,
Беспокойство и узкие плечи...
Понемногу яснее
Моя голова.

Город детства! Ромашки по взгорьям,
Скумбрия на крючке
И костер на песке!
Там, где небо сливается с морем,
Что-то скрылось —
Не мальчик ли в челноке?

Пусть. Я рад, что в глазах просветлело,
Что лицо изменили
Года и ветра
И в труде закалилось тело...
Детство, юность, ау!
До свиданья. Пора.

Но останься,
Но облачком дыма
Не растай в вышине
Голубой и пустой,
Все, что издавна мною любимо —
Единенье людское, —
Останься со мной.

Там, за стенами нашего дома,
Залы общих собраний
И гул площадей,
Где уже не в застёжках альбома, —
Над воротами дома
Портреты людей.

Пусть любовь и отвага продлится...
Пусть останутся
Книги мальчишеских лет.
Книги! О, золотые страницы,
Синих, красных пометок
Тускнеющий след!

Вы — со мной. Не пройдите, как тени.
Вы со мной.
Вы меня не покинете? Да?
Маяковский, Шевченко и Ленин —
Вы наставники! Будьте со мною всегда!
Чтоб над шкафом, кроватью, диваном
И над всем, что собрал я
В квартире моей,
Не провел бы я жизнь истуканом
Или сторожем
Этих вещей.
Никогда я на них не молился.
Уж меня-то, наверно,
Засыпят землей
Так далеко от мест, где родился,
Как бойца.
Легкость детства,
Останься со мной!

Ночь под люстрой за разговором
С другом Павлом,
Над желтою рюмкой вина,
Навсегда мы оставим с собою.
Толпы шествий и пение хором —
Пусть останутся с нами.
Не правда ль, жена?

Навсегда мы оставим с собою
Счастье первых свиданий
И ночи без сна.
И молчанье вдвоем под луною —
Пусть оно повторится.
Не так ли, жена?

Мы не молоды и не стары.
Пусть, коляску катя
По квадратам торцов,
Пусть войдем мы влюбленною парой
В Двери Мужества,
В мир матерей и отцов!

5

Так шепчу я... А в комнате сонно.
Спит ребенок,
Укрытый от мух кисеей.
Слаще трав и одеколona
Аромат молока
Над подушкой цветной.

За подушкою — стол деревянный
В чистой скатерти,
С кругом электроплиты,
Как любовно помыты стаканы!
...Два кувшина полны:
Молоко и цветы.
Бант на грифе гитары... Сияет
Круг зеркальный,
Блестят абажура шнурки:
Все мерцающе отражает
Очертание
Любящей женской руки.

Мы с женой что смогли, то собрали
В этих стенах
Для жизни на несколько лет.
...Покрывало на одеяле
И со смехом
Покрашенный нами буфет...

Сколько глиняных и железных
Неприметных чудес
Мы расставили тут!
Сколько добрых и неизвестных
Мастеров
За бесценок нам отдали труд!

Гончары и электромонтеры,
Для меня смастерили вы
Столько вещей...
Не вступали со мной в разговоры
И откуда-то знали
О жизни моей.

Я хочу вас увидеть... Скажите,
Почему на вещах
Не рисуют лица
Их создателя? Крепкие нити
Между нами,
И нет единенью конца!

...Человек под кисеею,
Ты узнаешь:
Не мне одному ты родня,
Миллионы своей семьею
Назовешь ты...
Но ты ведь не слышишь меня,
Ты, вбирающий соску-пустышку,
Неподвижный лицом,
Разрумяненный сном...
Сероглазого коротышку
Не увижу,
Как сверстника, я за столом.
Разом станем —
Он юношей, я стариком.
Дети, дети! Пока вырастаем,
Все мелькает, мелькает:
Фигуры людей,
Птиц, деревьев... И долго не знаем
Ни отца мы,
Ни матери даже своей.

И потом лишь, как станем мужчины,
Мы отца с благодарностью видим
И мать.
Да... Но их исказили морщины
И седины,

И трудно уже угадать,
Что чудесница, давшая право
Тут родиться,
Где люди, и солнце, и мгла,
Море, звезды, высокие травы, —
Что тогда она
Девочкою была.
Что и тот, от кого переняли
Мы походку, и голос,
И мужества пыл,
Он (отец наш!) в далеком начале
(В год рождения нашего!) —
Юношей был.

Что сказать? Мне бы просто хотелось,
Чтобы меж Валентином
И мной и женой
Не распалась бы юности целость, —
Чтоб недаром дышали
Под крышей одной,
Чтобы зажили сердцем единым!
Что — года!
Ведь не сам же себя человек
Разукрашивает в седины!

...Я стремился к друзьям,
Неподкупным навек.

С детства жил я своими трудами,
Если ж надобны годы забот и труда,
Чтоб родить и своими руками
Друга вырастить, —
Что же, потратим года!

...А из кухни доносятся звоны,
 Стук ножа, клочкотанье воды,
 Аромат
 Огородный, июльский, кухонный,
 Под давлением пара
 Кастрюли гудят.

Там жена в окруженьи соседок
 Поднимает предпраздничную
 Кутерьму.
 В печке пламя березовых веток
 Так пылает —
 Как солнцу нельзя самому.

Ветви шумного дерева!
 Летом
 Даже червю
 Давали вы сумрак и тень.
 Нынче — вспыхните жаром и светом,
 Чтоб рожденья людского
 Отпраздновать день.
 Завтра в полдень настанет веселье,
 Чьи-то руки
 По рюмкам вино разольют.
 Станет вольно и празднично в теле,
 Все, кто любит меня,
 Непременно придут.

Что скажу я? Чем завтра отвечу
 Говорливым гостям
 За себя и жену?

Я, наверно, вот этою речью
Всем отвечу,
Глаза поднимая к вину:
— Время мчится: на стрелках четыре.
Не проглотить и рюмки, —
Окажется: пять.

Сколько кверху часовые гири
Ни тяни,
Опускаются гири опять,
...Дни промчатся. И станет он взрослым.
Посмотрев на черты
Молодого лица,
Люди скажут: глазами и носом
Валентин так похож
На меня — на отца.
Что ж, отрадно подумать заране,
Что мелькнет
И в сиянье далекого дня
Головы моей очертанье...

Да, но будет ли мальчик
Похож на меня?

Много ль общего будет меж нами?
Ну, того, что сближает
Сильнее, чем кровь,
Что не мерят носами и ртами...
Новый житель!
В тебе повторится ли вновь
Вся любовь моя к этой планете
И любовь к человеку,

К нему одному?
Что сулит тебе это столетье?
Ты родился на свет
В подмосковном доме, —
За тебя мне бояться не надо
В мире вольном
Шахтеров, литейщиков, швей.
(Пусть боится японский микадо
Иль английский король
За своих сыновей.)
Ты не будешь владеть одиноко
Ни стадами скота,
Ни водой, ни землей.
Но земля, округлившись широко,
Как и с каждым работником,
Будет с тобой.
Что мудрить над твоею судьбою?
Так живи, Валентин,
На просторах земли,
Чтобы люди дружили с тобою.
Чтоб жить без тебя не могли!

Помни, Валя, что птенчик взлетает за
птицей

И цыплята бегут
За наседкой всегда.
Но сердцами, не кровью, родниться
Могут только работники,
Люди труда.

Может быть, забредет к тебе горе.
Может, даже

Слезой затуманится глаз...
Но ведь будет и радость...
Вскоре
Засверкают глаза твои,
Сын мой! Не раз
Ты воздашь благородную славу
Той, что мыла, кормила,
Держала в тепле
И дала тебе славное право
Меж людьми человеком
Пожить на земле.

Мать! Пока сохранится на свете
Нежность в теле ее
И глоток молока
И в любви зачинаются дети, —
Смерть над жизнью
Не властна наверняка.
В час, когда зародилось круженье,
Вышло солнце,
Земля из туманов всплыла, —
Ведь сначала явилось рождение,
И не первую смерть
На планету пришла!

Всех нас долго держали у груди.
Всех с любовью и верой
Несли на руках.
Все живые и сильные люди,
Славьте мать человека!
Да будет так.

1940

ЧЕЛОВЕК

Мне этот человек знаком? Знаком.
А как же! Часто сходимся вдвоем
У радиотрубы, в дверях трамвая.
Он часто молод, а порою сед.
Порой в пальто, порой в шинель одет.
Он все спешит, меня не замечая.

Мы утром у киоска ждем газет:

— Ну, как в Мадриде?

Жертв сегодня нет?

А что китайцы — подошли к Шанхаю?

А как

В Полтаве ясли для детей?

(О, этот семьянин и грамотей

На всю планету смотрит... Я-то знаю!)

Куда ни повернешься — всюду он!

Его в Туркмению везет вагон,

Его несет на Север в самолете.

Пусть снизу океан ломает лед...

Он соль достанет, примус разведет, —

Как дома, приготовится к работе.

Он обживется всюду и всегда.

Сожженный солнцем камень, глыбы льда—

Все для него квартира неплохая.

Где б ни был он, там вспыхивает свет.

Где б ни был он, там Сталина портрет,

И хлеб, и чертежи, и кружка чая.

А как поет он песни! Все о том,
Кто водит караваны, любит дом
И в облаках плывет. Сидит в Советах.
Так на рояле, в хоре, на трубе
Он распевает песни о себе
И улыбается, как на портретах.

Он толст и тонок, холост и женат,
Родился сорок, двадцать лет назад.
Родился в Минске, в Харькове, в Тюмени.
Вот он идет по улице, гляди:
Порою орден на его груди,
Порою только веточка сирени.
Он любит толпы людных площадей,
Стакан вина и голоса друзей,
Такой уж он общительный мужчина...

Над буквами газетного столбца
И в зеркале моем —
Черты лица
Знакомого мне с детства гражданина.

1939

О НЕЗНАКОМОМ ДРУГЕ

Борису Левину

Он ко мне, я к нему не ходили на дом,
Рук не жали при встречах.
Но
Наши судьбы порою ступали рядом
И могли бы слиться в одно.

Между нами люди были порою.
Узнавал я на стороне:
Дорожит он моей судьбою,
Говорит, как друг, обо мне.

И когда склонился я над страницей
Им в тиши написанных книг,
Как хотел я, чтоб рядом был узолицый
И застенчивый большевик.

А потом я узнал — он в снегах сражался,
Пал героем в бою с белофиннами он.
И сказали, что от него остался
Только воинский медальон.

Что за робкая сила мне помешала
Подойти к нему в должный час, —
Человеческой дружбы познать начало, —
Ведь видались мы столько раз!

Помню — шли через Красную площадь
парадом...

Солнце! Так светило оно,
Что порой наши тени скользили рядом,
А порою сливались в одно.

1941

ДОМ В ТОРТОСЕ

Сотня птиц на каждой сосне,
Сотня маленьких крикунов...
И на миг захотелось мне
Сбросить груз моих башмаков.
И когда б не люди кругом,
Я бы обнял руками ствол, —
Будто в детстве, ползком-ползком
До вершины сосны дошел.
Я качался бы налегке,
Я вбирал бы солнечный свет...
Если б я не держал в руке
Исполинских листьев-газет:
Вот на снимке испанский дом,
Над которым шел бомбовоз.
Дом с проваленным потолком,
Дом — для ветра, жилище гроз.

Дом в Тортосе. Жилище гроз.
Дом для ветра... А кто в нем рос,
Стал мужчиной, женился там?
Граждане!
За этой стеной
Пели женщины по утрам,
Стекла мыли, мели метлой.
Братья!
Дым выходил из труб:
Это двигали сквороду,
Так любовно солили суп,
Будто благословляли еду.
Я свидетельствую, что тут,

Где была этажерка, там,
Где стояла кровать, —
Ревут
Ветры мокрые по утрам.
Разрушитель! — плати за дом
Рыжей хитрою головой.
Я настаиваю на том,
Что жильцы не спят под землей.
Что зажжется лампа в окне.
...Я стою с газетным листом,
И припоминается мне
Дом в Одессе,
Дом в голубом.

(Голубой воды — не стакан! —
Море плещется широко,
К шелковице прильнул платан...
Южно-южно, легко-легко.)

В доме комната есть одна.
Ни мимоз, ни ландышей в ней.
И коврами не убрана.
И вином не манит гостей.
Но когда бы звонок дверной
Ни нажал я,
Всегда в ответ
Зашуршат шаги за стеной,

Двери скрипнут, зажжется свет,
Выйдет женщина...
Мать. Привет.
Я горжусь, что сквозь жизнь пронес
Сердце цепкое, что хребет
Мне не выгнул туберкулез,

Что и пальцы мои крепки,
Что в ответ на обиду, мать,
Я сумею их в кулаки —
Как и все — на винтовке сжать.

1939

СЛАВА

Славить будем всех,
на чьих гербах
Ни орлов, ни филинов,
ни псов, —
Только колос,
срезанный в полях,
Только серп и молот
их отцов!
Наберем пшеницы
спелой горсть
И прославим
пахаря труды!
Он прошел за плугом
столько верст,
Что дошел бы
даже до звезды!
Столько на земле
собрал плодов,
Что нехватит
на земле столов
Над зерном не вейся,
птичий свист!
Розы — пекарю,
его труду.

Хлеб его
да будет свеж и чист,
Как разрезанное
яблоко в саду!
Эй, сапожнику
желаем сил:
Сапоги такие
пригони,
Чтобы путь
меня не устрошил,
Чтоб лениво я
не лег в тени!
Железнодорожник!
Столько стран
Ты прошел
чрез горы и ручьи!
Так шагает
только великан,
Подари мне
сапоги свои!
Авиатор милый!
Стало сном,
Что ходить тебя
учила мать.
Что гонялся ты
за мотыльком
И за птицей —
и не мог догнать...
Музыкант!
Вооружись трубой.
Легче бы
давалась мне борьба,

Если б с детства
 пела надо мной
Уводящая вперед труба.
Слесарю — румянец
 и любовь.
Пусть не ест
 его железо ржа, —
Чтобы враг
 порезал руки в кровь,
Тронув даже
 рукоять ножа!
Прославляю всех,
 на чьих гербах
Ни орлов, ни воронов,
 ни львов, —
Только колос,
 срезанный в полях,
Серп и молот
 испокон веков!

1936

ЛЮДИ СССР

С ними я живу на улице одной,
Где на вывесках, в дыме трубы высокой
Знание жизни видно, ум веселый, мужской.
Эти люди кормили меня, одевали.
В своем доме железную дали кровать.
Научили меня железа и стали
Не бояться,
Как глину, в руках держать.
Эти люди будят меня чуть свет!

Их дыханье всюду проходит, как ветер!
На деревьях, на камнях я вижу след.
Грудью вскормленный и привыкший к труду,
Ваш товарищ,
Куда я без вас пойду?
Наша кровь слилась!
На кого променяю —
На сосну бессловесную? На звезду?
Мы, трудясь, на землю имеем права!
Мы на голой земле пальцем укажем,
Где вырастет какая трава.

Мы идем, мы шумим над крышами мира.
И по нашим следам прорастут стеной —
Рожь для силы
И виноград для пира.
(А колючий репейник посажен не мной!)
И оставим мы на земле своей
Не кучки золы, не опавшие листья, —
Яркий свет, на море дым кораблей,
Деревья, с которых плоды упадут.
Даже в трубы трубить о себе не станем.
Пусть над нами сами они запоют!

1937

РОДИНЕ

(Надпись на книге)

Трижды яблоки поспевали.
И пока я искал слова,
Трижды жатву с полей собирали
И четвертая всходит
Трава.

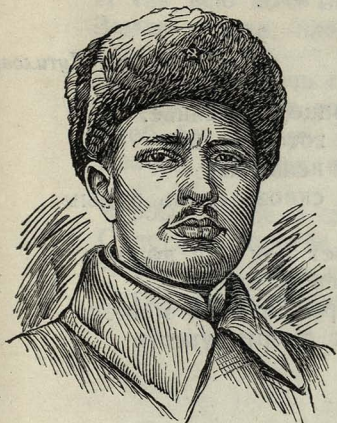
Но не только сапог каблуками
Я к земле прикасался
И жил
Не с бумагами да пузырьками
Черных, синих и красных чернил!

Но, певец твой, я хлеба и крова
Добивался всегда не стихом,
И умру я в бою
Не от слова,
Материнским клянусь молоком.

Да пройду я веселым шагом,
Ненавистный лжецам и скрягам,
Славя яблоко над землей,

Тонкой красной материи флагом
Защищенный, как толстой стеной.

1937

ГЕОРГИЙ СУВОРОВ

1919 - 1944

* * *

Пришел и рухнул, словно камень,
Без сновидений и без слов,
Пока багряными лучами
Не вспыхнули зубцы лесов.

Покамест новая тревога
Не прогремела надо мной...
Дорога, дымная дорога
Из боя в бой, из боя в бой...

* * *

Полковнику Путилову

Есть в русском офицере обаянье.
Увидишься — и ты готов за ним
На самое большое испытанье
Итти сквозь бурю, сквозь огонь и дым.

Он как отец — и нет для нас дорожке
Людей на этом боевом пути.
Он потому нам дорог, что он может,
Ведя на смерть, от смерти увести.

* * *

Полковнику Подлуцкому

Над лесом взмыла красная ракета,
И дротнуло седое море мглы,
Приблизили багровый час рассвета:
Орудий вороненные стволы.

От грохота раскалывались тучи.
То опускаясь, то вздымаясь вверх,
Через Неву летел огонь гремучий —
И за Невою черной смертью мерк.

И так всю ночь, не ведая покоя,
Мы не гасили грозного огня.

И так всю ночь за русскою Невою
Земля горела, плавилась броня.

И так всю ночь гремели батареи,
Ломая доты за рекой во рву, —
Чтоб без потерь, стремительней, дружнее
Пехота перешла через Неву.

Чтобы скорее в схватке руколашной —
Очистить дорогие берега;
Чтоб, растоптав навеки день вчерашний,
Встал светлый день над трупами врага.

* * *

Подполковнику Кузнецову

Хотя бы минуту на роздых
За окаянных три дня.
Но снова уносится в воздух:
— Дайте огонь на меня!..

И снова взлетают с землею
Разорванные тела.
Метится пламенем боя
Насквозь прожженная мгла.

И в этих метельных звездах
Твердое, как броня,
Режет прогорклый воздух:
— Дайте огонь на меня!..

Немец железным кругом
Встал и готов к броску.
Друг прощается с другом
И дуло подносит к виску.

Падают наземь звезды,
И слышится из огня
Сквозь ветер, сквозь дымный воздух:
— Огонь, огонь на меня!..

* * *

Метет, метет... И нет конца метели,
Конца тяжелым белым хлопьям нет.
Метет, метет... И замечает след
К моей солдатской полумерзлой щели.

Метет, метет... И не увидишь света
И не увидишь друга в двух шагах.
Вот через этот безответный мрак
Я двинусь в путь, лишь тьму прорвет ракета.

БРУСНИКА

Я шел в разведку. Времени спокойней,
Казалось, не бывало на войне.
Хотелось отдохнуть на горном склоне,
Присев к густой приземистой сосне.

Хотелось вспомнить край золотикий —
Мою Сибирь, мою тайгу... И вот
Пахнуло пряным запахом брусники
Над прелью неисхоженных болот.

О, неужели, упоен мечтою,
Я вызвал аромат моей страны...
Брусника каплей крови предо мною
Горит у корня срубленной сосны.

С какою детской радостью принял я
К брусничным зорям, тающим в траве...
Но мне пора. Иду. В глазах брусника —
Как будто дальней родины привет.

* * *

Еще утрами черный дым клубится
Над развороченным твоим жильем.
И падает обугленная птица,
Настигнутая бешеным огнем.

Еще ночами белыми нам снятся,
Как вестники потерянной любви,
Цветы живые голубых акаций
И в них восторженные соловьи.

Еще война. Но мы упрямо верим,
Что будет день — мы выпьем боль до дна.
Широкий мир нам вновь раскроет двери,
С рассветом новым встанет тишина.

В воспоминаньях мы тужить не будем,
Зачем туманить грустью ясность дней?
Свой добрый век мы прожили как люди —
И для людей...

* * *

Вперед на Запад! —

Цену этих слов
Мы поняли, когда в завесах пыли
Мы штурмовали стены городов
Ценой нечеловеческих усилий.

Вперед на Запад!

Дерзкая мечта...
Я знаю, нас никто не остановит.
Целуют землю русскую уста,
Отбитую ценой солдатской крови.

Пускай мы не прошли и полпути,
Пускай звезда уходит в ночь устало, —
Теперь на Запад будем мы итти,
Итти вперед во что бы то ни стало!

ЧАЙКА

Как полумесяц молодой,
Сверкнула чайка предо мной.
В груди заныло у меня...
Зачем же в самый вихрь огня?

Что гонит?.. Что несет ее?
Не спрячет серебро свое...
Зачем?..
Но тут припомнил я...

Зачем?..
Но разве жизнь моя...

Зачем?..
Но разве я не так
Без страха рвусь в огонь атак?!

И крикнул чайке я:
— Держись!
Коль любишь жизнь —
Борись за жизнь!

* * *

Когда-нибудь, уйдя в ночное
С гривастым табуном коней,
Я вспомню время боевое
Суровой юности моей.

Я вспомню миг, когда впервые
Открывшиеся нам с горы
Летучим роем золотые
За Нарвой вспыхнули костры.

И мы тогда сказали: слава
Неугасима на века.
Я вспомню эти дни по праву —
С суровостью сибиряка.

МИХАИЛ ТРОИЦКИЙ

1904 – 1941

СВИРСКАЯ ДОЛИНА

Мы на крутом остановились спуске,
Там, где упрям дороги поворот,
А склоны скользки и тропинки узки.

Невольно медлит робкий пешеход.
Спускается, за столбики хватаясь.
То вслух бранясь, то втайне усмехаясь,
Он еле подвигается вперед.
Он вдруг долину взором обведет
И замолчит. И хорошо вздохнет.

А перед ним отчетливей и шире
И неба край, синеющий вдали,
И дальние леса, и снежный берег Свири.

Там в бороздах чернеющей земли
Несется вьюга белыми клоками
Вдоль рельсовых путей и от костра к костру.
Оттуда шум работ машинными гудками
То долетит, то смолкнет на ветру.

Там бревна, как рассыпанные спички,
Там дым, как пух из птичьего гнезда,
И в шуме трудовом, как в братской
перекличке,
К обрывам подбегают поезда.

Дымки паровиков белеют, отлетая,
Как будто, тая, отлетает звук,
И темной насыпи черта крутая
У берега очерчивает круг.
А за рекой просторно и отлого
Поднялся склон. О, зимняя краса!

Синеющая санная дорога
И сизые прозрачные леса.

Я был бы рад и зимнему туману,
Когда метель и паровозов дым
Покроют реку облаком густым,
Но думалось: и сам таким же стану,
Как эта даль, и ясным и простым.

Все отдаленное мне представлялось рядом,
И так отчетливо. Открыто. На виду.

Хотел бы я таким же чистым взглядом
Глядеть на все, что на земле найду.

Родимый север мой! Не кинем мы друг друга,
И свежесть бодрую мы понесем с собой
И к морю запада, и на предгорья юга,
В спокойный труд и в беззаветный бой.

1941

ВЕЧЕР ПЕРЕД ОКТЯБРЕМ

Еще сентябрьским перламутром
Блится ясный небосвод,
Когда художник рано утром
Пустую площадь обойдет.

Рисуя на клочках бумаги,
Он словно видит в чертеже —
Воображает он уже
Эмблемы, лозунги и флаги.

Домов нарядное убранство
И миноносцы вдоль Невы,
И необъятной синевы
Как бы ожившее пространство;

Где в росчерках прямых и смелых,
Выравнивая мощный лёт,
В порхании листовок белых,
Воздушный пролетает флот.

Сверканье стройное парада,
Гудящих танков грозный ряд
И все, что вы увидите рады,
И все, что каждый вспомнить рад.

.

И я приду, воображая
В суровой простоте стиха —
И час, когда, как бы чужая,
Пустынна площадь и тиха,
И громыханье меди жаркой
И песню, что подхватит хор,

И шум шагов под гулкой аркой
И светлый площади простор,
Что нас охватывает сразу
Ведет по кругу своему;
И я обрадуюсь всему,
Что моему явилось глазу,
Звучало слуху моему
И что в груди моей звучало.

Припоминая каждый год
Его торжественный приход,
Люблю я праздника начало —
Приготовлений и забот
Степенный, чинный обиход.

Еще в мазках простых и грубых
Огромный праздничный портрет,
Еще в Домах культуры, в клубах
Последних репетиций нет;
Тем больше привлекают взоры

Заметки быстрые газет:
О темах праздничных бесед,
И пожелания, и сборы,
И сталеваров договоры —
Обычай многих славных лет.

И вот, сменяя день обычный,
Весь транспарантами горя,
Приходит он, от всех отличный,
Чудесный вечер Октября!

1940

ШТЫКОВОЙ УДАР

Снаряд. И вот все раскололось.
Вперед зовет меня рожок,
И первой пули тонкий голос,
И шага первого прыжок.

Конец и клятвам и беседам.
Как мир велик! Как долог спор!
Века идут за нами следом
В борьбе за будущий простор.

Идут бойцы широким шагом,
Мои. Мои. Моя родня.
И стало наше небо флагом —
То цвет зари,
То цвет огня.

Вперед! Мы на открытом месте.
Теперь у нас блестят штыки.
Как мир велик, как эти двести
Шагов до цели велики.

Но чаще зазвенели пули.
Раскрыто поле, как ладонь.
Столбы из-под земли рванули,
Встал заградительный огонь.

Там будет проволока. Братья,
Кого любил я больше вас?!

Разрывов черные объятья
Встают по несколько зараз.

И вот на бегу мы штыки опустили.
Открытый и страшный поднялся бугор.
Чужие винтовки опять зачастили.
На флангах режут пулеметы в упор.

Давайте. Шагов шестьдесят я не дожил.
Но каждый мой шаг мне кричит — не ложись.
Теперь мы гранаты добрасывать можем.
Спасибо, родимый, за все, что я прожил.
Спасибо, товарищ. Да здравствует жизнь!

Так вот он пред нами — наш недруг и враг.
Он прятался в гнездах, он полз в блиндажи.
Я вижу карманы чужих гимнастерок.
Я вижу кокарды фуражек чужих.

И если удар опрокинет, завертит
И холод дойдет до висков и до глаз —
Сквозь вату бесчувствия, тупости, смерти
Увижу я: враг покатился от нас.

В последних лучах, в холодеющей дали
Увижу: вперед мои братья идут.
Несут мою волю: «Да здравствует Сталин!»,
Моею душой, моим счастьем живут.

И всем, что мне сердце живило и грело;
Моим, что несется сквозь крики и дым;
Моим, что во мне и товарищах пело, —
Любовью и гневом и счастьем моим.

ИОСИФ УТКИН

1903 — 1944

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПЕСНЯ

Мальчишка был убит в Иркутске.
Ему семнадцать лет всего.
Как жемчуга на чистом блюде,
Блестели зубы
У него.

Над ним неделю измывался
Японский офицер в тюрьме,
А он все время улыбался:
Мол, «ничего не понимаю».

К нему водили мать из дому.
Водили раз,
Водили пять.
А он: — Мы вовсе незнакомы!.. —
И улыбается опять.

Ему японская «микада»
Грозит, кричит: — Признайся сам!.. —
И били мальчика прикладом
По знаменитым жемчугам.

Но комсомольцы
На допросе
Не трусят
И не говорят.
Недаром красный орден носят
Они пятнадцать лет подряд.

...Когда смолкает город сонный
И на дела выходит вор,
В одной рубашке и в кальсонах
Его ввели в тюремный двор.

Но коммунисты
На расстреле
Не опускают в землю глаз!
Недаром люди песни пели
И детям говорят про нас.

И он погиб, судьбу приемля,
Как подобает молодым:
Лицом вперед,
Обнявши землю,
Которой мы не отдадим!

1934

ЗАЗДРАВНАЯ ПЕСНЯ

Что любит, чем дышится,
Душа чем ваша полнится,
То в голосе услышится,
То в песенке припомнится.

А мы споем о Родине,
С которой столько связано,
С которой столько пройдено,
Хорошего и разного!

Тяжелое — забудется.
Хорошее — останется;
Что с Родиною сбудется,
То и с народом станется.

С ее лугами-нивами,
С ее лесами-чащами;
Была б она счастливою,
А мы-то будем счастливы.

И сколько с ней ни пройдено, —
Усталыми не скажемся
И песню спеть о Родине
С друзьями не откажемся!

1942

СЕСТРА

Когда, упав на поле боя —
И не в стихах, а наяву, —
Я вдруг увидел над собою
Живого взгляда синеву,

Когда склонилась надо мною
Страданья моего сестра, —
Боль сразу стала не такую:
Не так сильна, не так остра.

Меня как будто оросили
Живой и мертвою водой,
Как будто надо мной Россия
Склонилась русой головой!..

1942

ПЕЙЗАЖ

Полей предвечерняя небыль,
Похода размеренный шаг;
Пыля, пробирается в небо
Войны бесконечный большак.

Белеет старинная церковь
Над тихой и мирной рекой,
На куполе медленно меркнет
Степного заката покой.

Но с мирной природою в споре,
Как грозного времени тень,

Чернеет народное горе
Спаленных войной деревень.

Чернеет и справа и слева...
И слышно, как там, впереди,
Огонь орудийного гнева
Гудит у России в груди!

1943

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Не звали нас и не просили,
Мы сами встали и пошли.
Судьбу свою в судьбе России
Глазами сердца мы прочли.

Мы будем жить, как наши предки,
К добру и подвигу спеша:
Свободно жить! Неволи, клетки
Не терпит русская душа.

Над нами ясность небосвода,
Могуч народ и коренаст;
Дубрава, степь... Сама природа
Солдатской чести учит нас!

Мы на свои леса и воды,
Как на своих друзей, глядим.
И благородных чувств природы,
Как дружбы, мы не предадим...

Не рвемся мы в чужие страны,
Но сердцем чистым и простым
Родной земли живые раны
Мы не забудем, не простим.

Недаром так упрямы ноги,
Недаром люди так сильны,
Недаром люди и дороги
На запад так устремлены!

1943

КЛЯТВА

Клянусь: назад ни шагу!
Скорей я мертвый сам
На эту землю лягу,
Чем эту землю сдам.

Клянусь, мы будем квиты
С врагом. Даю обет,
Что кровью будут смыты
Следы его побед!..

А если я нарушу
Ту клятву, что даю,
А если вдруг я струшу
Перед врагом в бою,

Суровой мерой мерьте
Позор моей вины:
Пусть покарает смертью
Меня закон войны!

1942

ПОСЛУШАЙ МЕНЯ

Послушай меня, я оттуда приехал,
Где, кажется, люди тверды, как гранит,
Где гневной России громовое эхо,
Вперед продвигаясь, над миром гремит,

Где слева окопы, а справа — болота,
Где люди в соседстве воды и гранат
Короткие письма и скромные фото,
Как копии счастья, в планшетах хранят.

Здесь громкие речи, товарищ, не в моде,
Крикливые песни совсем не в ходу,
Любимую песню здесь люди заводят —
Бывает — у смерти самой на виду!

И если тебя у костра попросили
Прочесть, как здесь принято, что-то свое —
Прочти им, без крика, стихи о России,
О чувствах России к солдатам ее,

Как любят их дети, как помнят их жены...
И станут тебе моментально слышны
И снег и деревья — весь слух напряженный
Овеянной стужей лесной тишины.

И как бы при звуках родной им трехрядки,
Словам твоей правды поверив не вдруг,
Веселый огонь молодой переглядки,
Искрясь, облетит их внимательный круг.

И кто-то дровец, оживляясь, подбросит,
И кто-то смущенно оправит ружье,

И кто-то любимую песню запросит,
И кто-то тотчас же затянет ее...

В холодных порядках серебряной чаши
Осыплется пепел с верхушек седых:
Как будто простое, солдатское счастье
Горячим дыханьем коснется и их.

А русская песня, что с кривдой не в мире,
Пойдет между тем замирать на лету...
Потом, разрастаясь все шире и шире,
Как храбрый разведчик, уйдет в темноту.

1944

ЗАТИШЬЕ

Он душу младую
В объятиях нес...

М. Лермонтов

Над землянкой в синей бездне
И покой и тишина.
Орденами всех созвездий
Ночь бойца награждена.

Голосок на левом фланге.
То ли девушка поет,
То ли лермонтовский ангел
Продолжает свой полет.

Вслед за песней выстрел треснет —
Звук оборванной струны.

Это выстрелят по песне
С той, с немецкой стороны.

Голосок на левом фланге
Оборвется, смолкнет вдруг...
Будто лермонтовский ангел
Душу выронил из рук...

1942

ПРОВОДЫ

Удаляясь быстро-быстро,
Опускался поезд вниз,
Отставая, дым и искры
Вслед за поездом гнались.

Песня слышалась недолго.
И она в конце концов
За шлагбаумом умолкла
Вместе с гомоном бойцов...

Тихо стало на перроне,
Только слух и только взгляд:
Люди слова не проронят,
Только вдаль тепло глядят.

Так тепло глядят и строго
(С теплотой глядишь и ты),
Что бойцам на всю дорогу
Хватит этой теплоты.

1942

ПОСЛЕ БОЯ

Сон короткий после боя
В переполненной избе.
Я укрылся с головою
Нежной мыслью о тебе.

Положил я в изголовье
Сумку верную свою,
Оборвав на полуслове
Пережитое в бою.

И уже через мгновенье —
Ни войны, ни маяты:
В легких тканях сновиденья
Надо мною только ты.

Отступает все куда-то
(Только ты — и никого!)
Перед крепким сном солдата,
Крепким, как любовь его!

1943

ТЫ ПИШЕШЬ МНЕ ПИСЬМО

На улице полночь. Свеча догорает.
Высокие звезды видны.
Ты пишешь письмо мне, моя дорогая,
В пылающий адрес войны.

Как долго ты пишешь его, дорогая,
Окончишь и примешься вновь.

Зато я уверен: к переднему краю
Прорвется такая любовь!

...Давно мы из дома. Огни наших комнат
За дымом войны не видны.
Но тот, кого любят,
Но тот, кого помнят,
Как дома и в дыме войны!

Теплее на фронте от ласковых писем.
Читая, за каждой строкой
Любимую видишь
И Родину слышишь,
Как голос за тонкой стеной...

Мы скоро вернемся. Я знаю. Я верю,
Что время такое придет:
Останутся грусть и разлука за дверью,
А в дом только радость войдет.

И как-нибудь вечером вместе с тобою,
К плечу прижимаясь плечом,
Мы сядем и письма, как летопись боя,
Как хронику чувств, перечтем...

1942

ЕСЛИ БУДЕШЬ РАНЕН, МИЛЫЙ, НА ВОЙНЕ...

...Если будешь ранен, милый, на войне,
Напиши об этом непременно мне.
Я тебе отвечу
В тот же самый вечер.

Это будет теплый, ласковый ответ:
Мол, проходят раны
Поздно или рано,
А любовь, мой милый, не проходит, нет!

Может быть, изменишь, встретишься
с другой —

И об этом пишут в письмах, дорогой! —

Напиши... Отвечу...

Ну, не в тот же вечер...

Только будь уверен, что ответ придет:

Мол, и эта рана

Поздно или рано,

Погрущу, поплачу... все-таки пройдет.

Но в письме не вздумай заикнуться мне

О другой измене — клятве на войне.

Ни в какой я вечер

Трусу не отвечу.

У меня для труса есть один ответ:

Все проходят раны

Поздно или рано,

Но презренье к трусу не проходит, нет!

1941

НАРОДНАЯ ПЕСНЯ

Тихий домик над рекою...

Кажется, подать рукою!

А пойти — так далеко,

А пройти — так не легко,

Не легко, товарищ.

Сад тенистый, нелюдимый...
Далеко ли до любимой!
А пойти — так далеко,
А пройти — так не легко,
Не легко, товарищ!

По-над Доном узкий лог,
В роще ароматной
Немец, сукин сын, залег!
— Дай-ка автомат мне...
Я очищу узкий лог,

Чтобы каждый русский мог:
К Волге или Дону,
К милой или к дому,
Земно или водно —
Проходить свободно!

1942

* * *

Лампы неуверенное пламя.
Непогодь играет на трубе.
Ласковыми, нежными руками
Память прикасается к тебе.

К изголовью тихому постели
Сердце направляет свой полет.
Фронтная музыка метели
О тебе мне, милая, поет.

Ничего любовь не позабыла,
Прежнему попрежнему верна:
Ранила ее, но не убила
И не искалечила война.

Помню все: и голос твой, и руки,
Каждый звук минувших помню дней!
В мягком свете грусти и разлуки
Прошрое дороже и видней.

За войну мы только стали ближе.
Ласковей. Прямей. И оттого
Сквозь метель войны, мой друг, я вижу
Встречи нашей нежной торжество.

Оттого и лампы этой пламя
Для меня так ласково горит.
И метель знакомыми словами
О любви так нежно говорит.

1944

ЕСЛИ Я НЕ ВЕРНУСЬ, ДОРОГАЯ...

Если я не вернусь, дорогая,
Нежным письмам твоим не внемля,
Не подумай, что это — другая,
Это значит — сырая земля.

Это значит — дубы-нелюдимы
Надо мною грустят в тишине,
А такую разлуку с любимой
Ты простишь вместе с Родиной мне.

Только вам я всем сердцем и внемлю.
Только вами я счастлив и был:
Лишь тебя и родимую землю
Я всем сердцем, ты знаешь, любил.

И доколе дубы-нелюдимы
Надо мной не склонятся, дремля,
Только ты мне и будешь любимой,
Только ты да родная земля!

1942

ИВАН ФЕДОРОВ

1913 - 1942

РОДНОЙ БЕРЕГ

Река торопливая, тальник,
Деревья и луг заливной.
Вечерняя дума о дальних
Дорогах, изведанных мной.

И я никогда не устану
Вот так вспоминать у реки
Белесый простор Казахстана
И мглу Уссурийской тайги —

Те дали, где шел я, ведомый
Такой перекатной волной,
Которая засветло к дому
Приводит на берег родной.

У РЕКИ

Левый берег в огне, а на правом
Пеплом кроются угли костра,
И связисты сквозь тьму к переправам
Тянут кабель, — работа быстра.

И незримы, сползая по скатам,
Пробираются к лодкам стрелки.
Возвестит предрассветным набатом
Батарея о штурме реки.

Тишину растерзают на клочья
Всплески весел и грохот пальбы.
Берег с берегом, меряясь мощью,
Водяные взметнут столбы.

Вспенят волны реки величавой
Мастера лобовых атак
И рванутся в штыки от причалов,
И отхлынет, не выстояв, враг.

1941

ВОДИТЕЛЬ ГРУЗОВИКА

Полотнищем обтянут кумачовым
И хвойными ветвями убран кузов.
Но чем водитель скроет след ночевок
В пути своем, среди снегов и грузов?
От сна в кабине словно стал сутулей
И много старше... Что еще заметим?
Правей руля в стекле, пробитом пулей,
Дробится луч — водитель свыкся с этим.

ЮРИЙ ЧЕРКАССКИЙ

1912 — 1944

ГОРОД

Квартал горел — там шел смертельный бой,
И дом наш бомбой вражеской расколот,
Но все же как нас тянет этот город,
Где мы впервые встретились с тобой.

Там почернели худенькие клены,
Что мы растили, помнишь, у пруда,
И заросли и опустели склоны, —
Но все же как мы тянемся туда!

Пусть он в обломках, темен и изранен,
У нас в сердцах он песнею живет,
Всегда такой, как той весенней ранью,
Очищенный от мелочных забот...

Не то чтоб он красивей был других,
Но нам отсюда открывались дали,
Глубины дружбы, тайны первых книг,
Значенья слов — Москва, Отчизна, Сталин.

Он связан с нами сотнями примет,
Нагорным парком, улицей Артема,
Грозой — врасплох, когда померкнет свет
И небо сразу вздрагивает громом.

И, обрывая цвет на васильках,
Веселые, шальные ливни хлещут,
Когда деревья под дождем трепещут
Диковинными птицами в силках.

А после гроз от голоса грачей,
От вспышек солнца праздничны дороги,
Они с бугров бросаются под ноги,
Одна другой просторней и звучней.

Какую выбрать? Нет, не выбирай,
На каждой встретишь дружбу и участие...
Теперь стервятник рвет его на части, —
Мой гордый край, мой непокорный край.

На тех дорогах падают друзья —
Кто с пульей в сердце, кто с петлей на горле...

Пришли враги, названья улиц стерли.
Но выжечь их из памяти нельзя!

Дыши одним законом — кровь за кровь,
Готовь расплату гордо и сурово.
Сквозь все заслоны гневная любовь
Нас приведет к разрушенному крову.

Сквозь все преграды мы туда придем
В землянках жить и строить новый дом,
Работать от рассвета до рассвета,
Растить другие клены над прудом
И славить город песней недопетой.

И встанет он в проспектах и дворцах,
Очищенным от горечи и дыма, —
Зеленым, ясным, шумным, осязаемым,
Таким, каким храним его в сердцах...

ЗЕМЛЯ

В раннем ожидании и тревоге
Эта предвесенняя земля —
Мартовские черные дороги,
Степи и худые тополя.
Я ее тревогой заболею...
Снова — в юность,
вновь — чрез яры
Потянусь к суровым горам глядя,
К голосам шахтерской детворы.

Там, как в сказке, сильными руками
Достают огонь из глубины.
Терриконы синими дымками,
Как преданьями, окружены.
Там взлетают клетки с долгим пеньем,
Словно из-за тысячи веков,
И проносят люди нетерпенье
Открывателей и смельчаков.
Постучусь я — и откроет двери
Женщина, похожая на мать,
Даст напиток. Все, что ей доверю,
Будет с полуслова понимать.
Сапоги просушит и положит
Ласковую руку на плечо..
— Ну, иди. Тебя земля тревожит,
Ждет она и дышит горячо.
И она тебя не успокоит,
Истомит и будет снова звать —
Все, что недостроено, — достроить,
Все, что недосказано, — сказать... —
Лишь на миг застыну над разбегом —
Влажных изворотливых путей, —
Дальним ветром тянет, талым снегом,
Теплой гарью, юностью моей...

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие Евг. Долматовского	3
--------------------------------	---

Владимир Аврущенко

Брат	11
Над Полтавой летят самолеты	12
Город легкой индустрии, и тюльпанов, и роз	13
Вся страна кострами бушевала...	15
Присяга	16
Тебе, мой друг, я завещаю песню...	17

Джек Алтаузен

Я пишу, дорогая, тебе	19
Родина смотрела на меня	21
На снежных полях завывают метели...	23
Родина	25
О хорошей погоде	26
Можешь землю до края пройти.	27
Прощание	28
Песни и жизнь	30
Родина только одна	32

Вячеслав Афанасьев

Иртыш	34
Тропа	35
Вслед за огненными лосями...	37
Мой дом	37
Застигнутый последней метой...	39

Владислав Занадворов

В охотничьей избушке	40
Временный барак	42
На высоте N	43
Последнее письмо	44

Юрий Инге

Остров «Н»	48
Наши комиссары	50
Старый корабль	50
Морской музей	51
Тральщики	52
Комсомольцам	53
Подводники	54
Будничный полет	57
Январь сорокового года	59

Борис Костров

На рассвете	63
Заказник	64
Осень	65
Сын партизана	66
Такой, как все: в треухе, в полушубке...	67
В разведке	68
Родина	69

Алексей Лебедев

Условия победы	70
Песня о десанте	71
Выбор профессии	73
Походный дневник	73

Возвращение из похода	77
На траверзе Гангута	78
Прощанье	79
Ее письмо	80

Вадим Стрельченко

Валентин (поэма)	82
Человек	99
О незнакомом друге	100
Дом в Тортосе	102
Слава	104
Люди СССР	106
Родине	107

Георгий Суворов

Пришел и рухнул, словно камень... .	109
Есть в русском офицере обаянье... .	110
Над лесом взмыла красная ракета... .	110
Хотя бы минуту на роздых... .	111
Метет, метет... И нет конца метели... .	112
Брусника	112
Еще утрами черный дым клубится... .	113
Вперед на Запад!	114
Чайка	114
Когда-нибудь, уйдя в ночное... .	115

Михаил Троицкий

Свирская долина	116
Вечер перед Октябрем	118
Штыковой удар	120

Иосиф Уткин

Комсомольская песня	123
Заздравная песня	125
Сестра	126
Пейзаж	126

Русская песня	127
Клятва	128
Послушай меня	129
Затишье	130
Проводы	131
После боя	132
Ты пишешь мне письмо	132
Если будешь ранен, милый, на зойне... .	133
Народная песня	134
Лампы неуверенное пламя...	135
Если я не вернусь, дорогая...	136

Иван Федоров

Родной берег	138
У реки	139
Водитель грузовика	140

Юрий Черкасский

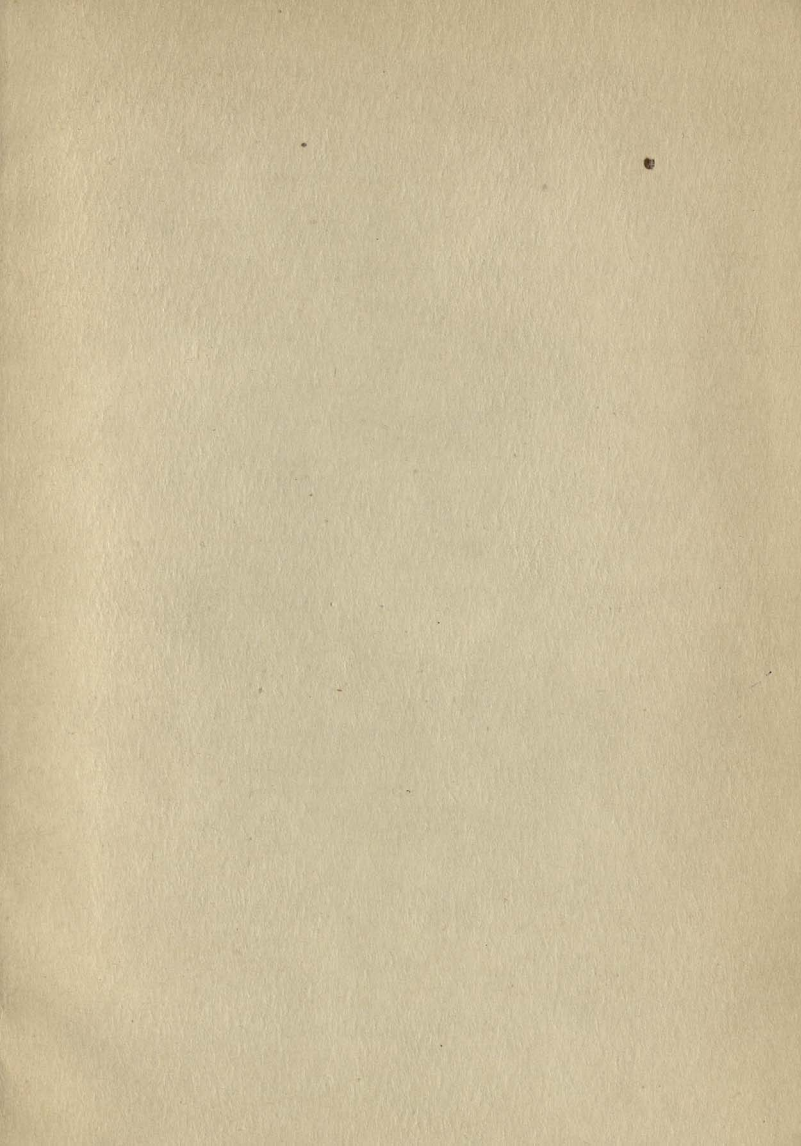
Город	141
Земля	143

Редактор *Мих. Матусовский*
Художник *С. Нодельман*
Техн. редактор *Н. Потемкин*

A02278. Сдано в набор 24/XII 1948 г. Подписано к печати 29/IV 1949 г. Печ. л. 45^{3/4}. Авт. л. 6,51. Уч.-изд. л. 7,05. Формат бумаги 70×108^{2/3}. Заказ 2846. Тираж 10 000 экз.
Цена 6 р. 50 коп.

Типография. Москва, ул. Фр. Энгельса, 46

6 р. 50 к.

2018836582

